

Фримен Р.

ОКО ОЗИРИСА
ВОЛШЕБНАЯ ШКАТУЛКА

ЗОЛОТОЙ ВЕК ДЕТЕКТИВА

Ричард Остин Фримен Око Озириса. Волшебная шкатулка (сборник)

Серия «Загадки доктора Торндайка»

Серия «Золотой век детектива»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28538118

Око Озириса. Волшебная шкатулка: Мир книги; Москва; 2011

ISBN 978-5-486-03948-5

Аннотация

Ричард Остин Фримен (1862–1942) – британский романист и новеллист, по профессии хирург. Сделал выдающуюся врачебную карьеру в Африке, которая прервалась в результате перенесенной им лихорадки. Первым изданным романом Фримена был «Красный отпечаток пальца» (1907). Героем многих его произведений стал судебный эксперт Джон Торндайк. Романы писателя создавались в рамках «научного детектива», расследование в котором опиралось уже не столько на дедуктивные способности сыщика, сколько на научные методы обнаружения улик. Фримен считается основателем новой для детективного жанра того времени техники повествования – «перевернутого», или «обратного», детектива. Суть этого

метода заключается в том, что читатель сначала знакомится с подробностями совершения преступления, а потом наблюдает работу сыщика, занятого поисками мотивов и улик.

В данном томе представлен остросюжетный детектив Фримена «Око Озириса», который начинается с таинственного исчезновения ученого-египтолога. А расследование этого дела приводит к совершенно неожиданным результатам... Здесь же публикуется рассказ «Волшебная шкатулка», написанный в классической манере.

Содержание

Око Озириса	6
Исчезнувший человек	6
Подслушанный разговор	15
Джон Торндайк	26
Юридическая путаница. Шакал	40
Находка в грядках	56
В сфере египтологии	67
Завещание Джона Беллингэма	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Ричард О. Фримен

Око Озириса.

Волшебная шкатулка

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

Око Озириса

Исчезнувший человек

Своим преподавателем судебной медицины школа при госпитале Святой Маргариты могла гордиться. Джон Торндайк был не только энтузиастом, не только ученым с глубокими познаниями и громкой репутацией; он был и совершенно исключительным педагогом, поражавшим нас своим одушевленным, блестящим стилем и необъятной эрудицией. Он как на ладони раскладывал перед нами каждый любопытный казус, о котором ему приходилось говорить, и умело извлекал выводы из любого факта, могущего иметь судебно-медицинское значение, к какой бы области этот факт ни принадлежал, — к области ли химии, физики, биологии или даже истории. Один из излюбленных его приемов для придания жизненности и интереса какому-нибудь суховатому вопросу состоял в том, чтобы анализировать и комментировать современные казусы, о которых сообщалось в газетах. И благодаря именно этому я должен был войти в соприкосновение с целым рядом удивительных событий, которым суждено было оказать глубокое влияние на мою жизнь.

Лекция, которая только что закончилась, была посвящена очень сложной проблеме, — «вопросу нахождения человека в

живых в определенное время». Большая часть студентов уже покинула аудиторию, а оставшиеся окружили столик преподавателя, чтобы прислушаться к его дополнительным комментариям. Эти дополнительные комментарии доктор Торндайк любил делать в легкой разговорной форме, прислонившись к столу и обращая свои замечания к куску мела, который он держал в руке.

– Проблема нахождения в живых, – говорил он в ответ на вопрос одного из студентов, – обычно возникает в тех случаях, когда налицо имеются заинтересованные стороны и когда самый факт смерти и ее приблизительное время не могут считаться установленными. Аналогичные же затруднения возникают и в тех случаях, когда одна из заинтересованных сторон не является, а факт смерти может быть установлен лишь на основании косвенных данных.

Основной вопрос здесь – это вопрос о последнем моменте, когда человек заведомо был жив. И тогда придется, может быть, обратить внимание на обстоятельства, как будто самые тривиальные, как будто даже совершенно незначительные. Вот казус, переданный в сегодняшней утренней газете; он иллюстрирует мою мысль. Некий джентльмен исчез при довольно таинственных обстоятельствах. В последний раз его видела прислуга его родственника, к которому он зашел. И теперь, если означенный джентльмен нигде не обнаружится, живой или мертвый, то вопрос о последнем моменте, когда он был заведомо жив, сведется к новому вопросу: «Бы-

ла или не была при нем, когда он приходил в дом своего родственника, одна ювелирная вещичка, случайно найденная потом?»

Торндайк остановился, задумчиво склонившись над куском мела, который он все время держал. Затем, заметив живой интерес, с каким мы смотрели на него, ожидая дальнейших разъяснений, он продолжал:

– Обстоятельства этого дела крайне любопытны и в высокой степени загадочны. И если поднимется процесс, ему придется иметь дело с большим запутанным клубком. Исчезнувший джентльмен – мистер Джон Беллингэм, лицо, хорошо известное в археологических кругах. Недавно он вернулся из Египта, привезя с собой очень ценную коллекцию древностей – некоторые из них он, кстати сказать, пожертвовал в Британский музей, и теперь они уже выставлены. Сделав свое пожертвование, он, кажется, отправился в Париж по каким-то делам. Я должен упомянуть, что дар его состоял из прекрасной мумии и полного комплекта могильной обстановки. Эти последние вещи еще не доставлены были из Египта в то время, когда исчезнувший теперь человек отправился в Париж, но мумия была уже осмотрена четырнадцатого октября в доме мистера Беллингэма в присутствии уполномоченного музея доктора Норбери, жертвователя и его поверенного. Поверенному поручено было доставить саркофаг и прочие части коллекции в Британский музей, что и было им впоследствии исполнено.

Из Парижа Джон Беллингэм вернулся, по-видимому, двадцать третьего ноября и с вокзала прямо направился в дом одного из своих родственников, некоего мистера Хёрста, холостяка, проживающего в Эльтаме. Как кажется, в эту квартиру он явился в пять часов двадцать минут. Мистер Хёрст к этому времени еще не вернулся из города, и ожидали его не раньше, чем через полчаса. Беллингэм объяснил, кто он такой и сказал, что будет ждать хозяина в его кабинете и там напишет несколько писем. Прислуга провела его в кабинет, снабдила его письменными принадлежностями и оставила его одного.

Без четверти шесть мистер Хёрст явился, отпер дверь своим ключом, и прежде чем прислуга успела ему что-нибудь сказать, прошел в кабинет и затворил за собой дверь.

В шесть часов, когда был дан обеденный звонок, мистер Хёрст вошел в столовую и увидев, что там приготовлено два прибора, спросил, почему это.

– Я думала, сэр, что мистер Беллингэм останется обедать, – сказала горничная.

– Мистер Беллингэм? – воскликнул удивленный хозяин. – Я не знал, что он был здесь. Почему мне об этом не сказали?

– Я думала, сэр, что он был вместе с вами в кабинете! – отвечала горничная.

После этого принялись искать посетителя, но нигде его не нашли. Он исчез бесследно, и – что было особенно странно – горничная уверяла, что он не мог выйти через парадную

дверь. Или она, или кухарка все время были в кухне, откуда эта дверь видна, а в другое время она находилась в столовой, которая открывалась в коридор, как раз напротив двери в кабинет. В самом кабинете имеется французское окно, выходящее на небольшую лужайку, где есть калитка, ведущая в переулок. Следовательно, мистер Беллингэм мог уйти только таким, довольно эксцентричным способом. Во всяком случае – и это факт большой важности – в доме его не было, и никто не видел, как он его покинул.

Наскоро пообедав, мистер Хёрст поехал в город и направился в контору поверенного и агента мистера Беллингэма – мистера Джеллико и рассказал ему об этих странных обстоятельствах. Мистер Джеллико ничего не знал о возвращении своего клиента из Парижа, и, поговорив немного, оба они по железной дороге отправились в Удфорд, где живет брат исчезнувшего, мистер Годфри Беллингэм. Служанка, впустившая их, сказала, что мистера Годфри нет дома, а его дочь находится в библиотеке – особом здании, расположенном в саду, среди кустов, позади дома. Там оба посетителя нашли не только мисс Беллингэм, но и ее отца, который прошел туда через заднюю калитку.

Мистер Годфри и его дочь с величайшим изумлением выслушали историю, рассказанную мистером Хёрстом, и уверяли его, что никто из них не видел мистера Беллингэма и ничего о нем не слыхал.

Затем все четверо вышли из библиотеки и направились

в квартиру, но в нескольких шагах от библиотеки мистер Джеллико заметил какую-то вещь, лежащую на траве, и указал на нее мистеру Годфри. Последний поднял ее, а затем все присутствующие признали в ней скарабея, который мистер Джон Беллингэм обыкновенно носил на своей часовой цепочке. Недоразумения быть не могло. Это был прекрасно сделанный скарабей эпохи восемнадцатой династии, из ляпис-лазури, с изображением Аменхотепа Третьего. Он привешивался с помощью золотого колечка, которое прикреплялось к проволоке, проходившей через отверстия в скарабее, и это колечко, хотя и сломанное, также лежало здесь. Конечно, эта находка только еще больше сгустила мрак таинственности и загадочность этого случая, которые увеличились, когда после расследования в багажной комнате вокзала Черинг-Кросс был найден чемодан с инициалами Джона Беллингэма. Справка в книге показала, что чемодан был сдан около времени прибытия континентального экспреса двадцать третьего ноября, и его владелец, по-видимому, немедленно же отправился в Эльтам.

Вот как обстоит дело в настоящее время, и если исчезнувший человек не явится, если его тело не будет найдено, то, как вы видите, прежде всего возникает вопрос: как определить точно время и место, когда он появлялся в последний раз в своей жизни? Что касается места, где его видели, то все значение выводов, связанных с решением этого вопроса, ясно само собой, и нам нет надобности на нем останавливаться.

Но и вопрос о времени также очень значителен. Как я указывал в своей, лекции, бывали случаи, что от доказательства нахождения в живых в определенное время зависело вступление в права наследства.

Исчезнувшего человека в последний раз видели живым в доме мистера Хёрста двадцать пятого ноября в пять часов двадцать минут. Но, оказывается, он посетил и дом своего брата в Удфорде. Так как там его никто не видел, то в настоящий момент остается неизвестным, был он там до или после своего визита к мистеру Хёрсту. Если он был раньше у своего брата, тогда пять часов двадцать минут двадцать третьего ноября – последний момент, когда он, как это доподлинно известно, был жив. Но если он был там позднее, то к показанному времени надо прибавить еще возможно кратчайший срок, в который он мог совершить свое путешествие из одного дома в другой. Но вопрос, в чьем доме он был раньше, связан с вопросом о скарабее. Если скарабей был при нем, когда он приходил к мистеру Хёрсту, тогда ясно, что здесь он был раньше; если же скарабея при нем не было, тогда вероятнее, что он раньше был в Удфорде. Таким образом, как вы видите, решение вопроса, который может стать важнейшим моментом, определяющим допущение к правам наследства, сводится к тому, заметила или не заметила горничная наличие этого на первый взгляд слишком незначительного факта?

– Служанка давала показания по этому вопросу, сэр? –

спросил я.

– По-видимому, нет, – отвечал доктор Торндайк, – во всяком случае в газетном отчете об этом не упоминается, а между тем отчет составлен очень подробно; обилие деталей замечательное, между прочим, даны и планы обоих домов, и уже поэтому отчет представляет особый интерес.

– В каком отношении, сэр, это представляет интерес? – спросил один из студентов.

– Ну, знаете ли, я думаю, надо предоставить обсуждение этого вопроса вам самим. Это – казус, еще не разобранный, и со своими догадками о действиях и мотивах отдельных лиц надо обращаться осторожнее.

– В газете есть описание наружности исчезнувшего человека? – спросил я.

– Да, и описание вполне исчерпывающее. Оно настолько подробно, что даже может быть названо не вполне корректным, – ведь этот человек может оказаться живым и в какой-нибудь момент снова выступить на сцену. Между прочим, сообщается, что на груди у него татуировка – прекрасное, отчетливо сделанное изображение символического Ока Озириса (или Горуса, или Ра, – как думают некоторые авторитеты). Одним словом, если бы нашлось тело, то признать его было бы нетрудно. Будем, однако, надеяться, что дело до этого не дойдет. А теперь мне надо отправляться, точно так же, как и вам. Но я советовал бы вам достать себе экземпляры этой газеты, внимательно ознакомиться со всеми замеча-

тельными подробностями данного дела и сохранять газету у себя. Это – крайне любопытный случай и почти несомненно, что мы еще услышим о нем. До свиданья, господа!

Мы выполнили совет доктора Торндайка; сейчас же всей гурьбой бросились к ближайшему газетчику: запаслись экземплярами «Дейли телеграф», задержались еще в общей комнате, чтобы проглядеть отчет и побеседовать о подробностях дела, не смущаясь теми соображениями деликатности, которые так действовали на нашего более осторожного и более щепетильного учителя.

Подслушанный разговор

Правила хорошего тона требуют, чтобы воспитанные люди при первом знакомстве называли свое имя. Поэтому я прошу разрешения представить вам себя, как Поля Барклея, бакалавра медицины и пр., и пр., недавно, совсем недавно получившего эту степень и теперь занимающегося медицинской практикой.

Замещая беднягу Дика Бернарда, старого воспитанника школы Святой Маргариты, в настоящее время поправляющего свое расстроенное здоровье морским путешествием, мне нужно было отправиться в Невиль-корт, чтобы навестить одного пациента, проживающего в доме № 49. Я не знал, где находилось это местечко и не ожидал увидеть перед собой ряд привлекательных маленьких домиков, стоящих в красивой зеленой аллее, залитой светом. Я так был погружен в это неожиданное зрелище, что пришел в себя только тогда, когда моя рука схватилась за звонок. И уже после этого я увидел внизу небольшую дощечку, на которой значилось: «Мисс Оман».

Дверь довольно резко открылась, и небольшого роста, средних лет женщина пристально меня оглядела.

– Может быть, я позвонил не туда? – спросил я (должен сознаться, что это вышло довольно глупо).

– Как я могу вам на это ответить? – сказала она. – Думаю,

что не туда. Мужчины всегда так делают. Позвонят, а потом выражают свои сожаления...

– Я слишком далек от того, чтобы выразить сожаление. Уже одно то, что я имел честь познакомиться с вами...

– Вам кого угодно? – спросила она.

– Мистера Беллингэма.

– Вы – доктор?

– Да, я – доктор.

– Идите за мной наверх. Только осторожнее. Не ступайте на окраску.

Я прошел через просторную прихожую и, следуя за моей провожатой, поднялся по прекрасной дубовой лестнице, осторожно ступая по половику, лежавшему по ее середине. Поднявшись на следующий этаж, мисс Оман отворила дверь и, указывая на комнату, сказала:

– Войдите сюда и подождите. Я передам ей, что вы здесь.

– Я ведь сказал, что мне надо *мистера* Беллингэма... – начал было я, но дверь захлопнулась за мной, а мисс Оман быстро зашагала по лестнице вниз.

Я очутился в несколько неловком положении. Комната, на которую мне было указано, соприкасалась с другой, и хотя дверь была закрыта, но мне, к моему великому неудовольствию, пришлось услышать разговор, происходивший по соседству. Сначала, правда, доносились глухие звуки, потом слышались отдельные фразы и, наконец, чей-то сердитый голос ясно, резко и выразительно произнес:

– Ну да, я говорил. И повторяю опять. Заговор! Мошенничество! Вот куда дело идет! Вы хотите обождать меня!

– Что за выдумки, Годфри! – послышался ответ, однако не в столь повышенном тоне. Но тут я громко закашлял и двинул стулом. Разговор за дверью продолжался, но разобрать его было уже нельзя.

Затем снова раздался громкий и сердитый голос, говоривший:

– Но я утверждаю, что вы выступаете с обвинениями! Вы намекаете, что я прикончил его.

– Вовсе нет, – послышался ответ – Я повторяю только, что ваше дело установить, что с ним произошло. Ответственность остается на вас.

– На мне! – раздался первый голос – А почему не на вас? Ваше положение, если уж на то пошло, достаточно щекотливое.

– Что?! – прогремел другой. – Вы инсинуируете, будто я убил своего собственного брата?

Во время этого удивительного разговора я стоял сначала неподвижно, не зная, что мне делать, потом, наконец, сел в кресло и заткнул уши. Несколько времени пробыл я в таком положении, когда услышал, что позади меня затворяется дверь.

Я вскочил и с некоторым смущением обернулся (я знаю, что вид у меня был довольно смешной). Передо мной стояла молодая девушка, высокого роста, очень красивая, вся в

темном; рука ее лежала на дверной скобе. Она приветствовала меня холодным поклоном.

– Я должна извиниться перед вами, что заставила вас дожидаться – сказала она. Мне казалось, что в углах ее рта мелькала улыбка, и это напоминало мне неловкое положение, в каком она меня застала.

Я пробормотал, что это не имеет значения, и начал было расспрашивать о больном, как вдруг из соседней комнаты опять послышался голос, выговаривавший с резкой отчетливостью:

– Я говорю вам, что мне нечего делать с такого рода предложением. Черт возьми, – это настоящий заговор и больше ничего!

Мисс Беллингэм – я понял, что это была она – густо покраснела, и сердито сдвинув брови, сделала несколько шагов по направлению к двери. Но оттуда как раз в этот момент выскочил небольшого роста, щеголевато одетый мужчина средних лет.

– Ваш отец, Руфь, – безумец! – воскликнул он. – Самый настоящий безумец! И впредь я отказываюсь вступать с ним в какие бы то ни было сношения.

– Настоящее свидание имело место не по его инициативе, – холодно ответила мисс Беллингэм.

– Да, не по его, – последовала гневная реплика. – Мое великодушие было им не понято. Да что говорить теперь? Я старался сделать все для вас как можно лучше; теперь – я

умываю руки. Не трудитесь провожать меня. Я знаю дорогу. Прощайте!

И с натянутым поклоном, бросив беглый взгляд на меня, говоривший выскочил из комнаты, хлопнув за собой дверь.

– Я должна просить прощения за такой необыкновенный прием, – сказала мисс Беллингэм. – Но, я думаю, врачей не легко чем-нибудь удивить. А теперь я проведу вас к вашему пациенту.

Она открыла дверь, и я последовал за ней в соседнюю комнату.

– Вот другой посетитель к вам, – сказала она. – Доктор...

– Барклей – сказал я. – Я заменяю в настоящее время моего друга, доктора Бернарда.

Больной, симпатичной наружности человек, лет пятидесяти пяти, сидел на постели, обложенный грудой подушек. Он протянул мне трясущуюся руку, и во время рукопожатия я обратил внимание, как сильно она дрожала.

– Здравствуйте, сэр, – сказал мистер Беллингэм. – Надеюсь, что доктор Бернард не болен?

– Нет, – отвечал я, – он только отдыхает теперь на Средиземном море.

Мы обменялись еще несколькими словами и любезностями, после чего я приступил к делу.

– Давно ли вы больны? – спросил я.

– Сегодня – неделя, – отвечал он. – Fons et origo mali¹ –

¹ Источник и начало зла.

кабриолет, опрокинувший меня посреди улицы против здания суда. Виноват в этом я сам, но мне от этого не легче.

– Вы очень ушиблись?

– Нет, не могу сказать; но я все-таки повредил себе при падении колено, испытал и общее сотрясение. Слишком стар я для таких передраг.

– Это со многими случается.

– Верно, но в двадцать лет перенести это легче, чем в пятьдесят пять. Впрочем, колено теперь как будто поправилось – вы сами увидите, что я им двигаю свободно. Самое скверное – это мои проклятые нервы. Я раздражителен, как черт, нервничаю, как кошка, и по ночам не могу спокойно спать.

Я отодвинул его дрожащую руку, которую он протянул мне. Он не походил на пьяницу, но все же!..

– Вы много курите? – дипломатично спросил я.

Он взглянул на меня хитрым взглядом и усмехнулся.

– Вы крайне деликатно подходите к делу, доктор, – сказал он. – Нет, я много не курю. Я вижу, что вы и теперь смотрите на мою дрожащую руку. Но что ж, так и должно быть; я не обижаюсь; доктора на все должны обращать внимание. Впрочем, обычно моя рука и теперь достаточно тверда, если только я не взволнован. Но малейшее возбуждение заставляет ее трястись, как желе. А тот факт, что я только что имел неприятную беседу...

– Я думаю, – вмешалась мисс Беллингэм, – не только доктор Барклей, но и все соседи знают теперь об этом.

Мистер Беллингэм конфузливо улыбнулся.

– Боюсь, – сказал он, – что дал волю своему темпераменту. Слишком я импульсивный старик, доктор, и когда выйду из себя, то способен все выложить, и начну говорить чересчур напрямик.

– И чересчур громко, – добавила его дочь. – Знаете ли вы, что доктор Барклей вынужден был заткнуть себе уши? – Она взглянула на меня, и какая-то искорка блеснула в ее серых грустных глазах.

– Очень жалею, моя дорогая, – сказал мистер Беллингэм, – но надеюсь, что больше этого не будет. Этого милого джентльмена, я думаю, мы видели в последний раз!

– Я тоже так думаю, – ответила она и затем прибавила: – Я не буду мешать вашей беседе. Я буду в соседней комнате на случай, если понадобится.

– Этот кабриолет, – начал мистер Беллингэм, как только его дочь вышла, – был лишь последней каплей. Он довершил то, что давно уже готовилось. За последние два года я испытывал бездну всяких тревог. Впрочем, я полагаю, что нет надобности надоедать вам подробностями моих личных дел.

– Все, что имеет отношение к нынешнему состоянию вашего здоровья, представляет для меня интерес, если только вы не пожелаете о чем-нибудь умолчать, – сказал я.

– Умолчать! – воскликнул он. – Неужели вы встречали какого-нибудь больного, которому не хотелось бы говорить о состоянии его здоровья? Обычно слушатели предпочитают

умолчание.

– Во всяком случае, ваш настоящий слушатель не принадлежит к их числу.

– Ну, хорошо, – сказал мистер Беллингэм, – я позволю себе роскошь рассказать вам о всех моих тревогах. Около двух лет тому назад я лег в постель джентльменом с независимым положением и прекрасными видами на будущее, а утром проснулся буквально нищим. Не особенно приятная перемена – согласитесь – в моем возрасте?

– Неприятная во всяком возрасте, – вставил я.

– И это еще не все, – продолжал он. – Потому, что в тот же самый момент я потерял своего единственного, дорогого брата, с которым я был в лучших отношениях. Он пропал, исчез с лица земли; да вы, вероятно, слышали об этом случае? Проклятые газеты одно время полны были им.

Он внезапно покраснел, заметив, без сомнения, что и я изменился в лице. Теперь я, конечно, вспомнил все... Еще тогда, когда я входил в этот дом, какая-то струна слабо зазвучала в моей памяти, а последние слова моего пациента полностью воскресили воспоминание о загадочном деле.

– Да, – сказал я, – припоминаю этот случай; о нем говорил наш лектор судебной медицины.

– В самом деле? – сказал мистер Беллингэм. – Что же он говорил?

– Он отметил его, как случай, который со временем приведет ко многим юридическим осложнениям.

– Клянусь Юпитером, – воскликнул мистер Беллингэм, – он оказался пророком! Юридические осложнения? Да, их достаточно! И все-таки ручаюсь вам, что он не мог предвидеть, какой адский узел завяжется вокруг этого дела. Кстати, как его фамилия?

– Торндайк, – ответил я. – Доктор Джон Торндайк.

– Торндайк, – медленным задумчивым тоном повторил мистер Беллингэм. – Как будто я слышал его имя. Ну, конечно. Я слышал о нем от моего друга, юриста мистера Марчмонта. Мистер Марчмонт говорил о нем в связи с таинственным исчезновением некоего Джеффри Блэкмора. Припоминаю теперь, что доктор Торндайк блистательно распутал это дело.

– Решаюсь сказать, что ему было бы очень интересно услышать что-нибудь и о вашем деле, – заметил я.

– Думаю, что да, – последовал ответ, – но никто не может даром отнимать время у какого-либо профессионала, а заплатить ему я не в состоянии. Это, кстати, напоминает мне, что и у вас я отнимаю ваше время, болтая о своих, чисто личных делах.

– Мои утренние визиты окончены, – сказал я, – да и ваше дело представляет слишком большой интерес. Полагаю, впрочем, что я не должен расспрашивать вас о характере юридических затруднений?

– Да, не должны, если только вы не хотите оставаться здесь до конца дня и возвращаться домой в состоянии безумия. Но

о существе дела я вам скажу вкратце: все волнения возникли в связи с завещанием моего бедного брата. Во-первых, завещание не может быть утверждено к исполнению, потому что нет полной уверенности, что мой брат умер; во-вторых, если бы оно и могло быть утверждено, то все его имущество перешло бы к людям, которых он вовсе не стремился облагодетельствовать. А само завещание – это такой дьявольски нелепый документ, какой только может создать извращенная изобретательность бестолково упрямого человека. Вот и все. Вы осмотрите мое колено?

Мистер Беллингэм все более и более волновался, говоря о своем деле, и кончил повествование чуть не кричащим голосом. Лицо его покраснело, весь он дрожал. Я решил, что лучше всего прекратить нашу беседу. Я осмотрел поврежденное колено, которое было теперь почти совсем здорово; сделал и общий осмотр пациента. Затем дал ему подробные указания, как вести себя, и стал прощаться.

– Помните же, – сказал я, пожимая ему руку, – ни табак, ни каких-либо возбуждений. Старайтесь жить спокойной, растительной жизнью.

– Все это очень хорошо, – проворчал он, – ну а если будут сюда приходить люди и волновать меня?

– Не обращайтесь на них внимания, – сказал я. И с этим прощальным советом я вышел в другую комнату.

Мисс Беллингэм сидела за столом с целой пачкой записных книжек в синих обертках. Две из них были открыты,

показывая страницы, убористо исписанные мелким, четким почерком. Она поднялась, когда я вошел, и вопросительно на меня посмотрела.

– Я рекомендовал бы вашему отцу какое-нибудь легкое чтение, как противоядие против умственного возбуждения, – сказал я ей.

Она слабо улыбнулась.

– Конечно, это было бы полезно, – заметила она и затем спросила: – А еще вы даете какие-либо наставления?

– Да, я дал еще один совет – поддерживать веселое настроение и избегать забот и волнений, но, думаю, что это трудно исполнимо.

– Конечно, – не без горечи отвечала она, – совет ваш превосходен, но людям в нашем положении трудно быть веселыми. Однако не надо, по крайней мере, распускать себя, не надо создавать себе лишних забот. Их слишком много и без того. Но вы, разумеется, не можете входить в это.

– Боюсь, что действительно не могу принести пользы; но я искренно надеюсь, что дела вашего отца сами собой скоро поправятся.

Она поблагодарила за доброе пожелание, проводила меня до калитки и с легким поклоном и холодным рукопожатием простилась со мной.

Джон Торндайк

В один особенно душный день в поисках тени и тишины я забрел в переулки Старого Темпля и неожиданно столкнулся там лицом к лицу со своим старым приятелем и товарищем по университету – Джервисом, позади которого стоял, глядя на меня со спокойной улыбкой, мой бывший профессор – доктор Джон Торндайк. Оба они сердечно меня приветствовали, и я был очень польщен этим: ведь Торндайк был знаменитостью, и Джервис был все же постарше меня.

– Я надеюсь, что вы зайдете к нам на чашку чая, – сказал Торндайк; и так как я охотно согласился, он взял меня под руку. Мы пересекли двор и направились к казначейству.

– Не подумываете ли вы покинуть изголовье больного и последовать нашему примеру – превратиться в юриста? – спросил меня Торндайк.

– Разве и Джервис стал юристом? – воскликнул я.

– Действительно, стал, черт возьми! – ответил Джервис – Я живу паразитом при Торндайке.

– Не верьте ему, Барклей, – вмешался Торндайк. – Он – мозг нашей фирмы. Я придаю ей только респектабельность и известный моральный вес. Но что вы делаете теперь?

– Я заменяю Бернарда. У него практика в Феттер-Лейне.

– Я знаю, – сказал Торндайк. – Мы встречаем его иногда. Он выглядел очень плохо последнее время. Он сейчас в от-

пуску?

– Да. Он отправился в Греческий архипелаг на судне, промышляющем торговлей коринкой.

– В таком случае, – сказал Джервис, – вы теперь здешний районный врач. Наверное, вы стали чертовски важным?

– Однако, судя по тому, что вы здесь гуляли на досуге, когда мы встретились с вами, ваша практика должна быть не слишком утомительна, – добавил Торндайк – Она вся, должно быть, сосредоточена в этом районе?

– Да, – ответил я. – Мои пациенты по большей части живут на расстоянии полуверсты от амбулатории. Ах да, я вспомнил об одном очень странном совпадении! Мне кажется, оно должно заинтересовать вас.

– Вся жизнь состоит из странных совпадений. Только литературные критики удивляются им. Но расскажите, в чем дело?

– Оно связано с одним случаем, о котором вы говорили в госпитале, года два тому назад. Вы говорили об исчезновении человека при весьма таинственных обстоятельствах. Этого человека звали Беллингэм. Вы помните?

– Египтолог? Да, я хорошо это помню. В чем же дело?

– Брат его – мой пациент. Он живет в Невиль-корт со своей дочерью, и мне кажется, что они так же бедны, как церковные крысы.

– Да? – сказал Торндайк. – Это очень интересно. Они, видимо, внезапно потеряли все свое состояние. Если я не оши-

баюсь, его брат жил в собственном, довольно большом особняке?

– Да, совершенно верно. Я вижу, что вы помните все, связанное с этим делом.

– Дорогой мой, – воскликнул Джервис, – Торндайк никогда не забывает подобных вещей. Он ведь нечто вроде судебно-медицинского верблюда. Проглатывает сырьем различные факты как из газет, так и из других источников, а потом, в часы досуга, мирно пережевывает их. Удивительная привычка! Стоит какому-нибудь факту появиться в газетах или в суде – Торндайк целиком проглатывает его. Потом все как будто замирает и забывается. И вот через год, через два, это дело опять всплывает наружу, но уже в новой форме, и к величайшему нашему удивлению оказывается, что Торндайк успел уже его разобрать. Недаром за этот промежуток он не раз пережевывал свою жвачку!

– Вы видите, – сказал Торндайк, – мой ученый друг любит смелые и сложные метафоры. Однако по существу он прав, несмотря на свои туманные выражения. Впрочем, сначала вы выпьете чаю, а потом расскажете нам подробнее о Беллингэмах.

Продолжая беседовать, мы подошли к квартире Торндайка. Войдя в обширную, красивую, обшитую панелями комнату, мы застали там небольшого человечка, аккуратно одетого в черное, расставлявшего на столе чайные чашки. Я посмотрел на него с любопытством. Он мало походил на слугу.

Что-то странное было в его внешности. Его спокойная, полная достоинства манера держать себя и серьезное, умное лицо заставляли думать об интеллигентной профессии, и только ловкие, проворные руки обличали в нем умелого слугу.

Торндайк задумчиво посмотрел на поднос с чашками и потом взглянул на своего слугу.

– Я вижу, вы поставили три чашки, Поультон, – сказал он. – Каким образом вы узнали, что я приведу к чаю гостей?

В ответ на это маленький человечек приятно улыбнулся, как-то странно сморщив свое лицо.

– Я случайно выглянул из окна лаборатории, в то время как вы повернули за угол, сэр, – сказал он.

– Как это просто! – сказал Джервис – А мы-то надеялись, что тут скрывается что-то загадочное, чуть ли не телепатическое!

– Простота – душа совершенства, сэр, – возразил Поультон, оглядывая чайный прибор, чтобы убедиться, не забыл ли он чего-нибудь, и, высказав свой удивительный афоризм, бесшумно скрылся.

– Возвратимся к делу Беллингэма, – сказал Торндайк, налив нам чаю. – Не узнали ли вы каких-нибудь фактов, касающихся заинтересованных лиц, – таких, конечно, о которых вы могли бы нам поведать?

– Я узнал две или три вещи и уверен, что сообщив их вам, я никому вреда не причиню. Я узнал, например, что Годфри Беллингэм, мой пациент, внезапно потерял все свое состоя-

ние приблизительно ко времени исчезновения его брата.

– Это действительно странно, – сказал Торндайк. – Понятнее было бы, если бы произошло обратное. Почему он мог вдруг обеднеть? Впрочем, может быть, он получал от брата регулярное пособие?

– Нет, вот это именно и поразило меня. Мне кажется, что в этом деле есть какие-то странности и юридически оно очевидно запутывается. Возьмите хотя бы завещание. С ним много приходится хлопотать.

– Добиться утверждения вряд ли они могут в настоящее время, – заметил Торндайк – Ведь несомненных доказательств смерти не имеется?

– Конечно. Но это только первое из затруднений. Другое заключается в том, что в самом тексте завещания есть какой-то роковой дефект. Какой именно – сейчас я не знаю, но надеюсь рано или поздно узнать. Кстати, я упомянул уже о том, что вы интересуетесь этим делом, и мне кажется, что Беллингэм не прочь был бы посоветоваться с вами, но только у бедняги нет денег.

– Это нехорошо для него, особенно если у других заинтересованных лиц они имеются. Судебная процедура требует денег, и закон не считается с тем, что у какой-нибудь из сторон их не оказывается. Да, ваш пациент может оказаться в плохом положении. Ему необходимо с кем-нибудь посоветоваться.

– Я не знаю, кто бы ему мог дать совет.

– Не знаю и я, – сказал Торндайк. – Богаделен для неимущих истцов нет, а по общему правилу, только лица со средствами могут обращаться в суд. Конечно, мы могли бы ему помочь, но для этого надо хорошо знать и его, и все обстоятельства дела. Ведь он, может быть, отъявленный негодяй?

Я вспомнил странный разговор, который я случайно подслушал. Мне очень хотелось бы узнать мнение Торндайка, но передавать этот разговор я не считал себя вправе. Я ограничился поэтому только общими своими впечатлениями.

– Он не похож на негодяя, – сказал я, – но, конечно, я не знаю его. Лично на меня он произвел скорее благоприятное впечатление, чего я не могу сказать про другого.

– Кто этот другой? – спросил Торндайк.

– Ведь есть еще один человек, имеющий отношение к этому делу, не правда ли? Я забыл его имя. Я видел его там, и вид его мне совсем не понравился. Мне кажется, он хочет к чему-то принудить Беллингэма.

– Барклея знает об этом больше, чем говорит, – сказал Джервис – Надо посмотреть в газетах, кто этот незнакомец. – Он взял с полки большую кипу газетных вырезок и разложил их на столе.

– Посмотрим, – сказал он, водя пальцем по указателю. – Торндайк собирает все факты, из которых что-нибудь может выйти. А с этим, я знаю, у него связаны особенно большие ожидания. У него какие-то кровожадные чувства: он надеется, что в один прекрасный день голова пропавшего найдется

в чьей-нибудь мусорной яме... Вот, нашел! Имя другого – Хёрст. Он, видимо, двоюродный брат; в его доме в последний раз видели живым исчезнувшего человека.

– Значит, вы думаете, что Хёрст в чем-то здесь замешан? – спросил Торндайк, просмотрев отчет.

– У меня такое впечатление, – возразил я, – хотя, конечно, я ничего не знаю.

– Так вот, – сказал Торндайк, – если вы услышите о том, что делается, и получите разрешение об этом говорить, мне будет очень интересно узнать, как подвигается это дело. И если по какому-нибудь вопросу понадобится мое неофициальное мнение, я не откажусь дать совет, и думаю, что ничего плохого от этого не будет.

– Конечно, ваш совет будет чрезвычайно ценным, если другие заинтересованные лица обратятся к адвокату, – сказал я, а потом, после небольшой паузы, спросил: – Вы много думали над этим делом?

– Нет, – задумчиво ответил он. – Не скажу, что много. Я довольно внимательно изучал его, когда впервые эта заметка появилась в газетах. И с тех пор я иногда думал над ним. Джервис говорил уже вам, что у меня создалась такая привычка: я пользуюсь случайными часами досуга, например, ездой по железной дороге, – для построения различных теорий, способных объяснить какой-нибудь факт в подобного рода таинственных делах, которые мне попадают под руку.

– Есть у вас какая-нибудь теория, объясняющая факты

этого дела? – спросил я.

– Да, у меня есть несколько теорий, – одна из них кажется мне наиболее правдоподобной. И теперь я с большим интересом ожидаю новых фактов, чтобы проверить свои построения.

– Не стоит и пробовать выкачать из него что-нибудь. Он снабжен каким-то информационным клапаном, который открывается только внутрь. Вливать вы можете сколько угодно, но обратного движения не получите.

Торндайк усмехнулся.

– Мой ученый друг в сущности прав, – сказал он. – Видите ли, в любой день ко мне могут обратиться за советом по этому делу, и в таком случае я окажусь в глупейшем положении, если уже заранее выскажу свое мнение во всех подробностях. Но мне хотелось бы знать, что думаете вы и Джервис об этом деле на основании газетных сообщений.

– Ну, вот! – воскликнул Джервис – Что я вам говорил: он хочет высосать наши мозги.

– Что касается моего, – сказал я, – то едва ли высасывание даст хоть что-нибудь, кроме чистого нуля. Поэтому я отказываюсь в вашу пользу. Вы адвокат в полном расцвете своей деятельности, а я ведь только районный врач.

Джервис тщательно набил свою трубку и закурил ее. Затем, выпустив тонкую струйку дыма, сказал:

– Если вы хотите знать, что я думаю об этом деле, я отвечу вам одним словом: ничего! Каждая догадка приводит к

тупику.

– Ну, бросьте! – воскликнул Торндайк. – Вам просто лень. Барклею хочется видеть вашу судебную проницательность. Ученый адвокат может быть сам в тумане, – это сплошь и рядом с ним бывает, но он никогда прямо не говорит об этом. Он умеет это скрыть под искусным словесным прикрытием. Расскажите нам, по крайней мере, как вы пришли к своему заключению. Покажите нам, что вы действительно взвешивали факты.

– Хорошо, – сказал Джервис – Я дам вам мастерский анализ этого дела, который приводит к такому отчаянному выводу.

Некоторое время он продолжал попыхивать своей трубкой, в легком замешательстве, как мне показалось, и я вполне ему сочувствовал. Наконец, он выпустил маленькое облачко дыма и начал:

– Положение представляется мне таковым: мы имеем дело с неким человеком, которого видели входящим в некий дом; прислуга проводит его в некую комнату и оставляет его там. Никто не видит, чтобы он вышел оттуда, и тем не менее, когда потом вошли в эту комнату, она оказалась пустой. И этого человека никто никогда больше не видел – ни живым, ни мертвым. Начало довольно-таки таинственное.

Очевидно, можно предположить следующее: или он остался живым в этой комнате или, по крайней мере, в этом доме, или он умер естественной или насильственной смер-

тью и его тело было спрятано; или же он ушел из дому никем не замеченный.

Рассмотрим первую возможность. Все это произошло около двух лет тому назад. Он не мог скрываться живым в этом доме в течение двух лет. Его бы обнаружили. Прислуга, например, при уборке комнат могла бы его видеть.

Тут Торндайк со снисходительной улыбкой прервал своего младшего коллегу.

– Мой ученый друг, – сказал он, – ведет следствие с неподобающим легкомыслием. Но мы принимаем заключение, что этот человек не остался в доме живым.

– Прекрасно, в таком случае не остался ли он там мертвым? Очевидно, нет. В газете говорится, что как только его хватились, Хёрст вместе с прислугой тщательно обыскали весь дом. Таким образом, не было ни времени, ни возможности скрыть тело. Отсюда единственное возможное заключение, что тела там не было. К тому же, если мы допустим факт убийства, – а сокрытие тела заставляет его предположить, – возникает вопрос: кто мог его убить? Очевидно, что не прислуга. Что же касается Хёрста, то, конечно, мы не знаем, каковы были его отношения с исчезнувшим человеком, – по крайней мере, мне это неизвестно.

– Мне тоже, – сказал Торндайк. – Я знаю только то, что было в газетном сообщении, и то, что рассказал нам Барклей.

– В таком случае, мы ничего не знаем. Может быть, у него были основания для убийства, а может быть, и не было. Суть

в том, что у него, мне кажется, не было возможности совершить его. Пусть ему удалось временно скрыть тело; надо было сверх того и окончательно от него отделаться. Он не мог зарыть тело в саду, так как дом полон прислуги. Не мог он также его сжечь. Единственно, что он мог сделать, это – разрезать тело на куски и зарывать их постепенно в разных укромных местах или же побросать их в реку или пруд. Но никаких останков за весь этот длинный срок нигде обнаружено не было. Следовательно, у нас нет никаких данных, подтверждающих мысль об убийстве в доме Хёрста. Эта гипотеза исключается тем тщательным осмотром, какой был произведен тотчас же, как только хватились пропавшего.

Возьмем теперь третью возможность. Не покинул ли он дом незамеченным? Такая возможность, конечно, не исключена, но как она мало вероятна! Может быть, это был эксцентричный, поддающийся внезапным импульсам человек? Мы ничего о нем не знаем и ничего сказать не можем. Прошло два года, а он все не появляется. Следовательно, если он тайком ушел из дому, он должен был куда-то скрыться и скрываться до сих пор. Конечно, он мог так поступить, если он был не в своем уме. Но у нас нет никаких сведений о его характере.

Кроме того, вопрос осложняется скарабеем, найденным во владении его брата в Удфорде. Стало быть, он когда-то туда заходил. Но там его никто не видел. И мы не знаем, заходил ли он сначала к своему брату, или к Хёрсту? Если ска-

рабей был при нем, когда он приехал в Эльтам, стало быть, он покинул этот дом незамеченным и отправился в Удфорд. Но если скарабея не было, то он, по всей вероятности, отправился из Удфорда в Эльтам и там окончательно исчез, но нет никаких сведений о том, был ли при нем скарабей или нет, когда его в последний раз видела горничная Хёрста. Если бы мы захотели бросить обвинение в убийстве, – бросить, конечно, без достаточной обдуманности, – то мы должны были бы признать более правдоподобным, что сначала Беллингэм побывал у Хёрста, а потом уже у своего брата, ибо в данном случае было гораздо проще отделаться от тела. Очевидно, никто не видел, когда он входил в дом, и если он вошел, то через заднюю калитку, которая сообщается с библиотекой, помещающейся в отдельном здании, в стороне от дома. В таком случае Беллингэмы имели бы физическую возможность скрыть труп. В их распоряжении было бы достаточно времени скрыть тело, хотя бы временно. Никто не видел, как он вошел в дом, никто не знал, что он был там, – если только он был там – и никаких розысков, как кажется, не было произведено ни тогда, ни впоследствии. Действительно, если бы могло быть доказано, что исчезнувший человек покинул дом Хёрста живым, или если бы можно было установить, что скарабей был при нем, когда он был у Хёрста, дело приняло бы дурной оборот для Беллингэмов, так как, конечно, и дочь принимала участие, если тут был замешан отец. Но ведь вот в чем загвоздка! Нет ровно никаких доказательств, что он

покинул дом Хёрста живым, в противном же случае... ну вот опять! Как я уже говорил, какую бы гипотезу вы ни приняли, все они заводят вас в тупик.

— Это изложение, действительно, мастерское, но конец прихрамывает, — резюмировал Торндайк.

— Я знаю, — сказал Джервис — Но чего же вы хотите? Есть целый ряд возможных решений, и одно из них должно быть верным. Но какое именно? Как нам это решить? До тех пор, — настаиваю я, — пока мы не узнаем хоть что-нибудь о заинтересованных сторонах, о финансовых и всяческих других замешанных тут интересах, до тех пор у нас нет никаких данных.

— В этом случае, — сказал Торндайк, — я решительно с вами не согласен. По-моему, данных у нас много. Вы говорите — мы не имеем никакой возможности решить, какая версия справедлива. Я думаю — напротив: если вы внимательно и вдумчиво прочтете отчет, вы увидите, что известные теперь факты приводят к одному и только к одному объяснению. Возможно, что это объяснение неправильно. Я не претендую на его безошибочность. Но сейчас мы обсуждаем данный вопрос чисто теоретически, и я утверждаю, что наши данные позволяют сделать определенный вывод. Что вы хотите сказать, Барклей?

— Хочу сказать, что мне пора уходить. Вечерний прием начинается в половине седьмого.

— Хорошо, — сказал Торндайк, — не будем удерживать вас

от ваших обязанностей, пока бедный Бернард собирает коринку на Греческом архипелаге. Но непременно заходите к нам еще. Заходите, когда хотите, как только закончите свою работу. Вы нам нисколько не мешаете, даже если мы будем заняты, а это после восьми часов бывает редко.

Я от всей души поблагодарил доктора Торндайка за столь радужное приглашение и, попрощавшись с ним, отправился домой.

Юридическая путаница. Шакал

Задумавшись, я сделал большой крюк и пришел к себе, опоздав на десять минут. Я ускорил шаг и почти вбежал в амбулаторию с нахмуренным лицом, как будто только что покинул тяжелобольного. Однако меня дожидалась только одна пациентка, которая с вызывающим видом поздоровалась со мной.

– Это вы, наконец? – сказала она.

– Так точно, мисс Оман. Вы изволите говорить сущую истину. Чем же я могу вам служить?

– Ничем, – был ответ. – Я лечусь у женщины-врача. Но я принесла вам письмо от мистера Беллингэма. Вот оно. – И она сунула мне в руку конверт.

Я быстро пробежал письмо. Мой пациент писал, что провел две бессонные ночи и очень беспокойный день. «Не дадите ли вы мне чего-нибудь, чтобы я мог заснуть?» – просил он.

Я на минуту задумался. Мы, врачи, не слишком охотно прописываем усыпляющие средства незнакомым пациентам, но так как бессонница вещь мучительная, я решил пока что дать ему небольшую дозу брома и обещал заехать, чтобы посмотреть, не понадобятся ли более сильные средства.

– Пусть он лучше сразу примет дозу вот этого лекарства, мисс Оман, – сказал я, подавая ей пузырек, – а я заеду к нему

попозже.

– Думаю, что он будет очень рад вас видеть, – ответила она. – Сегодня он в полном одиночестве, мисс Беллингэм не будет дома, а настроение его очень подавленное. Но я должна вас предупредить: он бедный человек и не может много платить. Извините меня, что я заговорила об этом.

– Я очень благодарен вам за ваше указание, мисс Оман, – ответил я. – Я заеду не с визитом, мне просто хочется поболтать с ним.

– Ему это будет очень приятно. У вас есть свои прекрасные качества, хотя пунктуальность не принадлежит к их числу. – И отпустив мне эту шпильку, мисс Оман заторопилась домой.

В половине девятого я подымался по большой темной лестнице его дома, предшествуемый мисс Оман, которая указывала мне дорогу. Мистер Беллингэм, только что закончивший свой обед, сидел сгорбившись в кресле, устремив мрачный взор на пустой камин. Лицо его просветлело, когда я вошел, но было все же заметно, что он находился в очень подавленном состоянии.

– Очень, очень рад вас видеть, – сказал он, – хотя я боюсь, что причинил вам беспокойство, нарушив ваш вечерний отдых.

– Помилуйте, какое же беспокойство! Я узнал, что вы сегодня в полном одиночестве, и зашел немного поболтать с вами.

– Вы очень любезны, – сказал он. – Боюсь только, что окажусь плохим собеседником. Человек, всецело занятый своими, да вдобавок еще в высокой степени неприятными делами, бывает мало интересным собеседником.

– Может быть, я мешаю вам, вам хочется остаться одному? Скажите мне прямо, – внезапно спохватился я, испугавшись, что, может быть, я явился не вовремя.

– Вы-то мне нисколько не мешаете, – сказал он со смехом, – скорее я вам мешаю. В самом деле, если бы я не боялся наскучить вам до смерти, я попросил бы у вас разрешения переговорить с вами о моих затруднениях.

– Оставьте эти сомнения. Воспользоваться опытом другого человека, не подвергаясь связанным с этим опытом неприятностям, вещь заманчивая. Вы знаете: «Хочешь изучить человека, изучай людей!» Для нас, врачей, это особенно верно.

Мистер Беллингэм мрачно усмехнулся.

– Мне кажется, для вас я представляю нечто вроде микроба, – сказал он. – И пожалуй, если вы пожелаете посмотреть на меня в свой микроскоп, я заберусь под стекло, чтобы быть объектом ваших наблюдений. Только имейте в виду, не мои поступки дадут вам материал для ваших психологических изысканий. Моя роль – чисто пассивная. Здесь в роли Deus ex machina² выступает мой несчастный брат. Боюсь, что

² Бог из машины (*лат.*) – выражение, означающее неожиданную развязку той или иной ситуации с привлечением внешнего, ранее не действовавшего в ней

это он из своей неведомой нам могилы руководит всеми нитями этой адской кукольной комедии.

Он замолк и некоторое время задумчиво смотрел в камин, как будто совсем позабыв о моем присутствии. Наконец он взглянул на меня и продолжал:

— Это любопытная история, доктор, прелюбопытная. Середину ее вы уже знаете. А теперь я расскажу вам все с самого начала, и тогда вы будете знать столько же, сколько знаю я сам. Что же касается конца, то его никто не знает. Без сомнения, он написан в книге судеб, но эта страница еще не перевернута.

Начало всем бедствиям положила смерть моего отца. Он был сельский священник с очень скромными средствами, вдовец с двумя детьми: это были брат мой Джон и я. Ему как-то удалось поместить нас обоих в Оксфорд. По окончании университета Джон поступил на службу в Министерство иностранных дел, а я должен был стать священником. Но я скоро понял, что мои религиозные убеждения настолько изменились, что для меня стало невозможным принять духовный сан. Приблизительно к этому времени мой отец получил довольно большое наследство. Он намеревался поровну разделить все свое состояние между братом и мною, и поэтому я мог считать себя свободным от избрания какой-либо профессии, обеспечивающей меня. В то время у меня уже развивалась страсть к археологии, и я решил посвятить себя сво-

им любимым занятиям. В этом, кстати сказать, я следовал семейной традиции. Отец мой с увлечением изучал историю Древнего Востока, а Джон, как вам известно, был страстным египтологом.

Спустя некоторое время отец мой внезапно скончался, не оставив завещания. Он давно собирался написать его, но все откладывал. А между тем состояние его заключалось, главным образом, в недвижимости, и потому брат мой унаследовал его почти целиком. Однако, из уважения к известной ему воле отца, он назначил мне ежегодную пенсию в пятьсот фунтов стерлингов, что составляло приблизительно четверть его годового дохода. Я настаивал, чтобы он сразу отчислил мне известную сумму, но он отказался. Вместо того он отдал распоряжение своему поверенному выплачивать мне эту пенсию по кварталам до своей смерти. Он дал мне понять, что после его смерти имение перейдет ко мне, если же я умру раньше, то к моей дочери Руфи. Потом, как вам известно, он внезапно исчез. Все обстоятельства заставляли предполагать, что он умер, и потому его поверенный, некий мистер Желлико, счел для себя невозможным далее выплачивать мне пенсию. Но, с другой стороны, не было никаких положительных данных, подтверждающих смерть моего брата, и, стало быть, нельзя было привести в исполнение завещание.

— Вы сказали, что все обстоятельства говорят за то, что вашего брата нет в живых. Какие же это обстоятельства?

— Главным образом, то, что он исчез внезапно и бесследно.

Его багаж, как вам, может быть, известно, был найден нетронутым на вокзале. Кроме того, есть и еще одно обстоятельство: брат мой получал пенсию из Министерства иностранных дел, за которой должен был являться лично, а когда он бывал за границей, он должен был представлять удостоверение в том, что он жив. В этом отношении он был чрезвычайно аккуратен. И действительно, насколько мне известно, он или лично являлся, или препровождал необходимые документы своему поверенному, мистеру Джеллико. Но с момента своего таинственного исчезновения он по сей день не подавал никаких признаков жизни.

– Да, вы в очень щекотливом положении, – сказал я, – но мне кажется, что добиться в суде признания факта смерти и привести в исполнение завещание было бы не трудно.

Лицо мистера Беллингэма как-то перекошилось.

– Я полагаю, что вы правы, – сказал он. – Видите ли, мистер Джеллико, обождав некоторое время, не появится ли мой брат, предпринял весьма необычный, но мне кажется, при таких странных обстоятельствах вполне правильный шаг. Он пригласил меня и других заинтересованных лиц к себе в контору, чтобы познакомить нас с содержанием завещания. Завещание оказалось весьма необыкновенным. Я был как громом поражен, услышав его. И удивительнее всего, что брат мой, очевидно, считал все свои распоряжения благоразумными и простыми.

– Так обычно бывает, – заметил я.

– Может быть, – сказал мистер Беллингэм, – но бедняга Джон создал такую адскую путаницу из своего завещания, что сам поставил препятствия к выполнению его воли. Видите ли, мы происходим из старинной лондонской семьи. Дом на Куин-сквер, где брат имел свою квартиру и где хранил свою коллекцию, принадлежал нашему роду в течение многих поколений. Почти все Беллингэмы похоронены поблизости, на кладбище Святого Георгия. Остальные же члены нашей семьи похоронены по соседству на других кладбищах. Брат мой – он, кстати сказать, был холостяком, – очень строго придерживался семейных традиций, и потому вполне естественно, что в завещании он оговорил, чтобы его похоронили на кладбище Святого Георгия, вместе с его предками, или – по крайней мере, – на одном из кладбищ его родного прихода. Но вместо того чтобы просто высказать это желание и поручить своим душеприказчикам исполнить его, он поставил его условием, от которого зависит все остальное.

– Что это значит? – спросил я.

– Это означает вот что, – сказал мистер Беллингэм. – Все свое состояние он завещал мне, а если я умру раньше, то моей дочери Руфи, но при одном условии, о котором я только что говорил, то есть чтобы его похоронили в одном из указанных мест. Если же это условие не будет выполнено, то все его состояние должно перейти к нашему двоюродному брату Хёрсту.

– Но в таком случае, – сказал я, – раз вы не в состоянии

найти тела вашего брата, то ни один из вас не может получить наследства.

– В этом я не очень уверен, – возразил он. – Если брат мой умер, то очевидно, что он не похоронен ни на кладбище Святого Георгия, ни на других упомянутых им кладбищах. Это может быть легко доказано благодаря метрическим книгам. Таким образом, в случае признания факта его смерти почти все состояние перейдет к Хёрсту.

– А кто же душеприказчик? – спросил я.

– Вот в этом-то и вся история! – воскликнул мистер Беллингэм. – Душеприказчиков двое. Один из них Джеллико, а другой – главный наследник, то есть Хёрст или я, в зависимости от обстоятельств. Но, видите ли, до тех пор, пока суд не решит, кто из нас является наследником, ни один из нас не может быть душеприказчиком.

– Но кто же тогда обратится в суд? Я думаю, что это – обязанность душеприказчиков.

– Вот именно это и является главным затруднением для Хёрста. Как раз в тот день, когда вы впервые ко мне зашли, мы обсуждали этот вопрос и обсуждали очень горячо, – добавил он с мрачной улыбкой – Видите ли, Джеллико, конечно, отказывается действовать один. Он говорит, что не может обойтись без помощи другого душеприказчика. Но в данный момент ни Хёрст, ни я – мы не имеем этих полномочий. Однако обстоятельства могут сделать вторым душеприказчиком каждого из нас.

– Положение очень сложное, – сказал я.

– Да, и эти осложнения вызвали чрезвычайно любопытное предложение со стороны Хёрста. Так как условие, касающееся погребения, не выполнено, говорит он (и я боюсь, что он юридически прав), все состояние должно перейти к нему. Он предлагает мне следующую комбинацию: я должен поддержать его и Джеллико в их ходатайстве о разрешении признать факт смерти и привести в исполнение завещание; он же будет мне выплачивать до конца моей жизни по четыреста фунтов в год. Причем это соглашение должно иметь силу, какие бы случайности ни произошли.

– Что он хочет этим сказать?

Беллингэм нахмурился и сказал с недоброй усмешкой:

– Он имеет в виду следующее: если когда-нибудь в будущем тело вдруг найдется и, таким образом, можно будет исполнить волю брата относительно погребения, он тем не менее удержит все состояние, а мне будет продолжать выплачивать четыреста фунтов в год.

– Черт возьми! – воскликнул я. – У него губа не дура!

– Но в том случае, если тело не будет найдено, он теряет по четыреста фунтов в год в течение всей моей жизни.

– И вы, кажется, отклонили его предложение?

– Да, категорически. И дочь моя со мною согласна. Но я не уверен, вполне ли правильно я поступил. Я думаю, что надо дважды подумать, прежде чем сжечь свои корабли.

– Говорили ли вы с мистером Джеллико об этом деле?

– Да, я видел его сегодня. Он очень осторожный человек и поэтому не советует мне ни того, ни другого. Но мне кажется, что он не одобряет моего отказа. Он даже сказал, что синица в руках лучше журавля в небе, особенно когда этого журавля и не видать.

– А как вы думаете, может он обратиться в суд без вашей санкции?

– Этого он не хочет. Но мне кажется, что в том случае, если Хёрст будет настаивать, то принудит его. Кроме того, Хёрст, в качестве заинтересованной стороны, может непосредственно обратиться в суд; и возможно, что после моего отказа он так и поступит. По крайней мере таково мнение Джеллико.

– Все это ужасно запутано, – согласился я, – и неужели поверенный вашего брата, мистер Джеллико, не говорил ему, что он нелепо составил свое завещание?

– Говорил. По его словам, он даже умолял брата позволить ему написать завещание в другой форме. Но Джон и слушать не хотел. Бедняга! Иногда он бывал очень упрям.

– Можете ли вы принять теперь предложение Хёрста?

– Нет. Благодаря моему раздражительному характеру я тогда категорически отказался. Я был чрезвычайно изумлен его предложением и даже рассердился. Вы ведь помните, что в последний раз брата моего видели живым в доме Хёрста... Впрочем, я не должен занимать вас своими проклятыми делами, раз вы пришли только затем, чтобы дружески побол-

тать со мной. Но вы помните, я ведь честно вас предупредил об этом.

– Вы себе представить не можете, как меня заинтересовало ваше дело! – возразил я.

Мистер Беллингэм мрачно усмехнулся.

– Мое дело? – повторил он. – Вы говорите так, словно я представляю любопытный экземпляр преступника-сумасшедшего.

– Я смотрю на вас с глубоким уважением, как на центральное лицо этой странной драмы. Да и не я один смотрю так на вас! Может быть, вы помните, я говорил вам о докторе Торндайке?

– Конечно, помню.

– Как раз сегодня я его встретил, и мы долго с ним беседовали. Я взял на себя смелость упомянуть о нашем знакомстве. Может быть, я поступил неправильно?

– О нет! Почему бы вам и не рассказать ему? Помнит ли он всю эту адскую историю?

– Прекрасно помнит и во всех подробностях. Он ведь энтузиаст и чрезвычайно интересуется тем, как подвигается это дело.

– Я тоже этим интересуюсь, – сказал мистер Беллингэм.

– Мне хотелось бы знать, – спросил я, – согласны ли вы, чтобы я передал ему то, что вы мне сегодня сообщили? Ему это будет крайне интересно.

Мистер Беллингэм призадумался, устремив взор в пустой

камин. Потом он взглянул на меня и медленно произнес:

– Какие тут могут быть возражения? Это – не тайна. Да если бы даже и была здесь тайна, я ведь не единственный ее обладатель. Нет, расскажите ему, если вы думаете, что это может интересовать его.

– Вам нечего бояться; он никому ничего не расскажет, – сказал я – Он безмолвен, как устрица. Ему же эти факты дадут гораздо больше, чем нам. И, наконец, он сможет дать вам полезные указания.

– Я совсем не собираюсь пользоваться его искусством, – быстро проговорил мистер Беллингэм с некоторым раздражением – Я не из тех, которые попрошайничают, чтобы получить даровой совет. Примите это хорошенько к сведению, доктор.

– Я знаю, – поспешил я ответить. – Я совсем не это хотел сказать... Не вернулась ли мисс Беллингэм? Я слышал, как хлопнула парадная дверь?

– Да, я думаю, что это она, но куда же вы бежите? Неужели вы ее боитесь? – прибавил он, увидав, как я поспешно схватился за шляпу.

– Не знаю, может быть, – ответил я.

Мистер Беллингэм усмехнулся, подавляя зевоту, а в эту минуту дочь его вошла в комнату. Несмотря на свое потертое черное платье и еще более потертый ридикюль, который она держала в руках, она производила внушительное впечатление.

– Вы пришли, мисс Беллингэм, как раз в тот момент, когда ваш батюшка начал уже зевать, а я собрался уходить, – сказал я ей. – Видите, я могу приносить некоторую пользу: моя беседа – прекрасное средство от бессонницы.

Мисс Беллингэм улыбнулась.

– Мне кажется, что я вас прогоняю, – заметила она.

– Вовсе нет, – поспешно ответил я. – Моя миссия закончена, вот и все.

– Присядьте на минутку, доктор, – попросил мистер Беллингэм, – и пусть Руфь приготовит лекарство. Она обидится, если вы убежите сразу, как только она пришла.

– Но из-за меня вы поздно ляжете, – сказал я.

– Я вам скажу, когда мне захочется спать, – ответил он с усмешкой.

На этом условии я остался и остался не без удовольствия. В этот момент вошла мисс Оман с подносом и с такой улыбкой, какую я никак не ожидал увидеть на ее лице.

– Выпейте какао с гренками, дорогая, пока оно горячее, – ласково сказала она.

– Хорошо, Филлис, благодарю вас, – ответила мисс Беллингэм. – Я только сейчас сниму шляпу.

Когда она села за свой скромный ужин, отец ее обратился к ней с вопросом, который меня очень заинтересовал:

– Ты сегодня очень запоздала, детка. Разве цари-пастухи доставили тебе много хлопот?

– Нет, – ответила она, – но я решила сегодня же покончить

с ними. Поэтому, возвращаясь домой, я зашла в библиотеку на Ормонд-стрит и занялась этим.

Она заметила мой изумленный взгляд и тихо рассмеялась.

– Мы не должны говорить загадками в присутствии доктора Барклея. Отец мой говорит о моей работе, – пояснила она мне.

– Видите ли, доктор, – объявил мистер Беллингэм, – Руфь – литературный сыщик.

– Не называйте меня «сыщиком», – запротестовала Руфь, – это напоминает мне женщин-сыщиков и участок. Лучше скажите «исследователь».

– Хорошо. «Исследователь», или «исследовательница», это как вам угодно. Она наводит справки и разыскивает библиографию для лиц, пишущих книги. Она просматривает все, что было написано по какому-нибудь вопросу, и затем, собрав все сведения, отправляется к своему клиенту, нагружает его или ее этими знаниями, а он или она, в свою очередь, излагают или извергают это на печатных столбцах.

– Фу, какое отвратительное описание моей профессии! – сказала Руфь. – Но по существу это верно. Я – литературный шакал. Я собираю пищу для литературных львов. Вполне ли это вам ясно?

– Вполне. Но и теперь мне не совсем понятно, что это за цари-пастухи?

– Мой отец выразился не вполне ясно. Дело в следующем: один почтенный архидиакон написал статью о патри-

архе Иосифе.

– Написал, решительно ничего не зная о нем! – прервал ее мистер Беллингэм. – Какой-то более осведомленный специалист подставил ему ножку и...

– Совсем не так! – воскликнула мисс Беллингэм. – Он знал столько, сколько полагается знать почтенному архидиакону. Но этот специалист знал больше. Поэтому архидиакон поручил мне собрать всю литературу о состоянии Египта к концу семнадцатой династии, что я и сделала. Завтра я пойду к нему и начину его добытыми сведениями, а затем...

– А затем, – прервал ее мистер Беллингэм, – архидиакон набросится на специалиста и закидает его «царями-пастухами», и Секенен-Ра, и всяким сбродом из времен семнадцатой династии! Могу вам заранее предсказать, что тут произойдет порядочная потасовка.

– Да, я думаю, что стычка действительно будет, – согласилась мисс Беллингэм и, покончив с этим вопросом, энергично принялась за поджаренный хлеб, в то время как отец ее начал зевать.

Я украдкой наблюдал за ней с восхищением и с глубоким, возрастающим интересом. Несмотря на свою бледность, утомленный вид и худое, почти изможденное лицо, она была чрезвычайно красива. Наружность ее носила отпечаток силы воли и характера, что отличало ее от заурядных женщин.

Окончив ужин, она отставила поднос и, открыв свою по-

тертую сумку, спросила меня:

– Интересуетесь ли вы историей Египта? Мы тут ходим по ней с ума. У нас это какой-то семейный недуг.

– Я мало что смыслю в ней, – ответил я. – Занятия медициной слишком поглощают мое время.

– Конечно, – сказала она. – Нельзя быть специалистом во всех областях. Но если вас интересует профессия литературного шакала, я покажу вам свои заметки.

Я с радостью согласился. Она вынула из сумки четыре синие записные книжки, из которых каждая была посвящена одной из династий, от четырнадцатой до семнадцатой включительно.

Просматривая аккуратно и тщательно сделанные выписки, мы вместе начали обсуждать в высшей степени запутанную историю этого периода, постепенно понижая наши голоса, так как мистер Беллингэм закрыл глаза. Немного спустя голова его откинулась на спинку кресла. Мы только что дошли до критического царствования Апефы II, когда громкий храп прервал тишину в комнате и заставил нас обоих тихо рассмеяться.

– Беседа ваша сделала свое дело, – прошептала она, в то время, как я брал свою шляпу, и мы вместе на цыпочках прокрались к двери, которую она бесшумно отворила. – Вы очень добры, что зашли повидать его сегодня. Для него это было очень хорошо. Я вам искренно благодарна. Спокойной ночи! – прибавила она, дружески пожимая мне руку.

Находка в грядах

Практика Бернарда, как и практика большинства врачей, была подвержена периодическим приливам и отливам. Лихорадочная работа чередовалась с промежутками почти полного бездействия. Один из таких перерывов наступил на следующий день после моего посещения Невиль-корта, в результате чего уже в половине двенадцатого утра я начал раздумывать о том, как провести остаток дня. Я спустился вниз к набережной и, опершись на перила, стал любоваться видом по другую сторону реки, серым каменным мостом с целым рядом пролетов, живописной массой устремленных ввысь башен и притаившейся за ними серой громадой аббатства и церковью Святого Стефана.

Это была чудесная картина, тихая и успокаивающая, говорившая и о жизни и в то же время настраивающая на романтический лад.

Мысли мои были заняты Руфью Беллингэм и той любопытной историей, которую рассказал мне ее отец. Тут все было странно: как нелепо составленное завещание, так и поставленный в тупик поверенный. Я был почти уверен, что за всем этим что-то кроется, особенно если вспомнить весьма странное предложение мистера Хёрста. Но разобраться в этой истории мне было не под силу. Ее мог разобрать только юрист; к юристу и надо было бы обратиться. Я решил, что

сегодня же схожу к Торндайку и расскажу все, что я узнал.

Тут произошло одно из тех совпадений, которым мы так удивляемся, когда они случаются, но которые в общем так часты, что даже вошли в поговорку. Как раз в этот момент я увидел двух приближавшихся ко мне людей и узнал в них моего бывшего профессора и его младшего коллегу.

– Я как раз думал о вас, – сказал я, когда они подошли ко мне.

– Очень лестно, – ответил Джервис, – а я думал, что вы беседовали с самим чертом.

– Может быть, – заметил Торндайк, – он разговаривал сам с собой. Но почему вы думали именно о нас и чем были заняты ваши мысли?

– Я думал о деле Беллингэмов. Весь вчерашний вечер я провел у них.

– А! И у вас есть какие-нибудь свежие новости?

– Да, есть, клянусь Юпитером! Беллингэм со всеми подробностями рассказал мне про завещание. По-моему, это презанятный документ.

– Разрешил ли он вам передать мне все эти подробности?

– Да, я нарочно попросил у него разрешения, и он ничего не имел против.

– Прекрасно, сегодня мы завтракаем в Сохо, так как Поультон занят по горло. Идемте с нами, разделите нашу трапезу, а по дороге расскажете нам вашу историю. Вас это устраивает?

При настоящем состоянии моей практики меня это вполне устраивало, и я с непритворной радостью принял приглашение Торндайка.

Мы медленным шагом направились по широкому тротуару, и я стал рассказывать.

Торндайк время от времени останавливал меня, чтобы сделать какую-нибудь заметку в своей записной книжке.

– Этот субъект был, наверное, совершенно сумасшедший! – воскликнул Джервис, когда я закончил. – Он, кажется, с какой-то дьявольской изощренностью уничтожил свои же собственные распоряжения.

– Это сплошь и рядом бывает с лицами, делающими завещания, – заметил Торндайк. – Вполне ясное и толковое завещание является скорее исключением. Но мы едва ли можем судить об этом, не выдав самого документа. Я полагаю, что у Беллингэма нет копии?

– Не знаю, – сказал я, – но я спрошу у него.

– Если у него есть, то я хотел бы прочесть ее, – сказал Торндайк. – Все пункты крайне странны и, как сказал Джервис, завещатель точно хотел уничтожить ими собственные свои распоряжения, если только они были правильно записаны. Кроме того, эти пункты поразительно соответствуют всем обстоятельствам исчезновения. Ведь вы, наверное, тоже обратили на это внимание?

– Скажу только, что Хёрсту будет очень на руку, если тело не найдется.

– Да, конечно, но есть еще и другие пункты, которые очень знаменательны. Однако слишком преждевременно обсуждать все это завещание, раз мы не видели ни самого документа, ни заверенной копии.

– Если существует копия, – сказал я, – то я постараюсь раздобыть ее. Но Беллингэм ужасно боится, как бы его не заподозрили в желании воспользоваться даровым советом.

– Это вполне естественно, – сказал Торндайк, – и делает ему честь, но вы должны как-нибудь постараться победить его щепетильность. Я надеюсь, что вам это удастся. По-видимому, вы как будто стали у них совсем своим человеком.

– Они очень интересные люди, – сказал я, – очень культурные и питают большую склонность к археологии. Это, кажется, у них в крови.

– Да, – сказал Торндайк – Но этой семейной тенденцией они скорее обязаны окружающей их обстановке, чем наследственности. Значит, Годфри Беллингэм вам нравится?

– Да, он немного раздражителен и легко поддается внешним импульсам, но в общем очень приятный человек.

– А дочь? – спросил Джервис. – Что она из себя представляет?

– О, она очень ученая девушка. Она работает в музеях и составляет библиографию.

– А! – воскликнул Джервис неодобрительным тоном. – Знаю я эту породу. Пальцы в чернильных пятнах. Ни намека на бюст! Кожа да кости! И в очках!

Я простодушно попался на эту удочку.

– Вы сильно ошибаетесь! – с негодованием воскликнул я, сравнив мысленно отвратительный рисунок Джервиса с прелестным оригиналом. – Она необыкновенно красивая девушка, с манерами настоящей леди. Возможно, что она была чересчур холодна и сдержанна со мной, но ведь я только знакомый, даже, в сущности, совсем посторонний для них человек.

– Но я вас спрашиваю о ее внешности, – настаивал Джервис. – Какая она? Маленькая? Толстая? Рыжая? Опишите ее хорошенько.

– Ростом она приблизительно пять футов семь дюймов, она стройная, хотя довольно полная, держится очень прямо. Движения у нее грациозны; волосы черные, носит она их на прямой пробор, немного откидывая назад, цвет лица бледный, глаза темно-серые, брови прямые, точеный прямой нос, небольшой полный ротик, закругленный подбородок.

– Черт возьми, чему вы так радуетесь, Джервис?

Друг мой внезапно раскрыл свои карты и чуть не расплылся от удовольствия.

– Если существует копия этого завещания, Торндайк, – сказал Джервис, – мы ее раздобудем. Я полагаю, что вы со мной согласны, уважаемый патрон?

– Я уже сказал, – был ответ, – что всецело полагаюсь на Барклея. А теперь покончим с делами. Вот наш ресторанчик. Он толкнул незатейливую стеклянную дверь, и мы вошли

вслед за ним в ресторан. Воздух был пропитан аппетитным запахом мяса, смешанным с менее аппетитным запахом горелого масла.

Часа через два я распрощался со своими друзьями около здания суда.

– Я не приглашаю вас к себе, – сказал Торндайк, – так как у нас сегодня консультация. Но вы заходите к нам поскорее. Не дожидайтесь копии завещания.

– Да, – сказал Джервис, – заходите вечером, когда закончите свою работу, конечно, если у вас не будет более интересных перспектив где-нибудь в другом месте.

Расставшись с ними, я пошел дальше и через некоторое время незаметно для себя очутился на углу улицы Феттер-лейн. Но тут меня внезапно заставил очнуться грубый резкий голос, гаркнувший над самым моим ухом:

– Ужасная находка в Сидкепе!

Я с досадой обернулся, так как резкие выкрики уличных лондонских мальчишек всегда действуют на меня, как удар по лицу, но раздражение мое сразу сменилось любопытством, когда я увидел надпись на ярком желтом плакате, который он мне протягивал.

«Ужасная находка в грядках кресс-салата».

Я купил у него газету и, сунув ее под мышку, быстро направился к своей амбулатории, думая там насладиться чтением.

Но весь вечер непрерывно приходили пациенты, и я со-

вершенно позабыл о газете. Я вспомнил о ней лишь тогда, когда, закончив вечерний прием и вымывшись горячей водой, сел за свой скромный ужин. Я сходил за газетой в приемную и вынул ее из ящика стола, куда бросил впопыхах. Я удобно перегнул ее, прислонил к графину с водой и погрузился в чтение, продолжая в то же время ужинать.

Сообщение было очень подробное. Очевидно, репортер считал его сенсационным, а издатель пошел ему навстречу, отведя ему несколько столбцов и напечатав заголовок, от которого подымались волосы на голове.

УЖАСНОЕ ОТКРЫТИЕ В ГРЯДАХ КРЕСС-САЛАТА В СИДКЕПЕ

«Вчера после полудня была сделана поразительная находка при очистке кресс-салатных гряд недалеко от маленькой деревушки Сидкеп, в Кенте. Эта находка причинит много неприятностей тем, кто любил лакомиться этой освежающей зеленью. Но прежде чем приступить к описанию обстоятельств, при которых была сделана эта находка, или к самой находке – она, кстати сказать, является не чем иным, как останками разрезанного на куски человеческого тела! – интересно будет рассказать о той замечательной цепи совпадений, благодаря которым она была сделана.

Эти гряды были устроены у небольшого искусственного озера, куда впадает маленькая речка – один из многочисленных притоков реки Крей... Этот приток орошает целый ряд пастбищ, на одном из них и были расположены эти гряды

ды. На пастбищах почти круглый год пасутся курчавые жертвы человеческой плотоядности. Несколько лет назад овцы, пасшиеся здесь, поражены были болезнью, известной под названием «печеночная двуустка». Причиной ее являются маленькие плоские червячки, которые проникают из кишечника в желчные протоки и печень животного и разрушают ее. В кишечник же они попадают после ряда превращений, вместе с травой, которой питаются овцы. Лечение этой болезни, которая может погубить целые стада овец, сводится только к предупредительным мерам, поэтому, как только овцы стали заболевать двуусткой, то владелец поместья, некий мистер Джон Беллингэм, поручил своему поверенному внести в контракт по сдаче в аренду гряд условие, требовавшее, чтобы гряды периодически обследовались экспертом для удаления вредных паразитов. Последний срок аренды окончился около двух лет тому назад, и с тех пор гряды эти больше не культивировались. Но для того чтобы обезопасить соседние пастбища, все же сочли необходимым теперь произвести обычный периодический осмотр, и во время работ по очистке гряд была сделана ужасная находка, о которой идет речь.

Работы начались два дня тому назад. Артель из трех человек тщательно перекапывала землю, и рабочие осмотрели уже около половины гряд, как вдруг вчера, после полудня, один из них, работавший в самом глубоком месте, наткнулся на какие-то кости, которые возбудили в нем подозрение.

Он позвал своих товарищей; все они стали тщательно удалять водоросли и в конце концов обнажили человеческую руку, лежавшую в грязи среди корней. К счастью у них хватило благоразумия не трогать этих человеческих останков и немедленно послать за полицией. Вскоре прибыли полицейский инспектор и сержант в сопровождении районного врача. Тут они обнаружили еще одну странность: на руке – это была левая – не хватало безымянного пальца. Полиция считает это обстоятельство чрезвычайно важным: легче будет установить личность, так как число людей, у которых недостает безымянного пальца на левой руке, весьма ограничено. После тщательного осмотра на месте кости были осторожно собраны и препровождены в морг, где они и обретаются в ожидании дальнейшего расследования.

Районный врач, доктор Брандон, в беседе с нашим корреспондентом сообщил следующее: “Найденные кости левой руки, несомненно, принадлежат человеку средних лет или даже пожилому ростом приблизительно в 5 футов 8 дюймов. Все кости руки налицо. Не хватает только трех суставов безымянного пальца”.

– Считаете ли вы это врожденным недостатком, или палец был отрезан? – спросил наш корреспондент.

– Палец был ампутирован, – ответил доктор. – Если бы его не было от рождения, то недоставало бы и соответствующей кости руки, или, по крайней мере, она была бы деформирована, а между тем структура найденной кости совершенно

нормальна.

– Сколько времени кости находились в воде? – был следующий вопрос.

– Я бы сказал, что больше года. Они совершенно чисты. На них не осталось и следа мягких тканей.

– Нет ли у вас какой-нибудь гипотезы, объясняющей, каким образом эта рука попала сюда?

– Я воздержусь отвечать на этот вопрос, – был осторожный ответ.

– Еще один вопрос, – настаивал наш корреспондент. – Земля эта принадлежит мистеру Джону Беллингэму. Ведь это он, кажется, таинственно исчез некоторое время тому назад?

– Да, насколько мне известно, – ответил доктор Брандон.

– Не можете ли вы сказать мне, не лишился ли мистер Беллингэм пальца левой руки?

– Не знаю, – сказал доктор Брандон, а потом добавил с улыбкой: – Вы лучше обратитесь к полиции.

Вот как обстоит дело в настоящее время. Но, насколько нам известно, полиция ведет энергичные розыски относительно того, не пропал ли какой-нибудь человек, у которого недоставало безымянного пальца левой руки. Если кто-либо из наших читателей слышал о таком человеке, мы убедительно просим его немедленно сообщить об этом или в редакцию, или же прямо в полицию.

Мы полагаем, что полиция будет тщательно производить

розыски и других останков».

Я отложил газету и задумался. Все это дело было необычайно таинственно. Мысль, пришедшая в голову репортеру, невольно захватила и меня. Не было ли это останками Джона Беллингэма? Конечно, это было вполне возможно. Хотя из факта нахождения костей на его земле нельзя еще делать никаких выводов. А этот недостающий палец? В газетной заметке об исчезновении Беллингэма ничего не говорилось ни об увечьях, ни о каком-либо врожденном недостатке пропавшего, хотя трудно предположить, что такая вещь могла остаться незамеченной. За неимением фактов строить догадки было бесполезно. Я рассчитывал повидать Торндайка в ближайшие дни. Без сомнения, если эта находка имеет какое-нибудь отношение к исчезновению Джона Беллингэма, я узнаю об этом. С этими мыслями я встал из-за стола и отправился «прогуляться по Флит-стрит», прежде чем засесть за вечернюю работу.

В сфере египтологии

Проходя как-то утром около десяти часов мимо овощной лавки, я увидел в глубине ее мисс Оман. Она тоже заметила меня и энергично стала махать мне рукой, в которой держала большую испанскую луковицу. Я подошел к ней с почти-тельной улыбкой.

– Какая прекрасная луковица, мисс Оман, и как великодушно с вашей стороны поднести ее мне!..

– Я совсем не собиралась преподносить ее вам. Вот еще! Как это похоже на мужчину!..

– Что похоже на мужчину? – перебил я ее. – Если вы имеете в виду луковицу...

– Ничего я не имею в виду, – огрызнулась она. – Мне только хотелось бы, чтобы вы не болтали всякий вздор. А еще взрослый человек и, кроме того, занимающийся серьезной профессией! Сами должны это понимать.

– Полагаю, что должен бы, – задумчиво ответил я.

Между тем она продолжала:

– Я только что заходила в амбулаторию.

– Повидать меня?

– А то зачем же? Неужели вы думаете, что я заходила повидать мальчишку, который моет пузырьки?

– Конечно, нет, мисс Оман. Значит, женщина-врач не принесла вам надлежащей пользы?

Мисс Оман стиснула зубы (а зубы у нее были великолепные!).

– Я заходила насчет мисс Беллингэм, – с достоинством произнесла она.

Всю мою шутливость как рукой сняло.

– Я надеюсь, что мисс Беллингэм здорова, – быстро и встревоженно сказал я, вызвав этим презрительную улыбку на лице мисс Оман.

– Она не больна, – сказала мисс Оман, – но она сильно порезала себе руку. К тому же это правая рука, а она не может позволить себе роскошь захворать, так как она не какой-нибудь рослый, неповоротливый, ленивый, праздношатающийся мужчина. Вы бы лучше зашли к ней и дали бы ей чего-нибудь.

С этими словами мисс Оман порывисто отошла в сторону и исчезла в глубине лавки, а я быстро направился в амбулаторию, чтобы захватить все необходимое, а оттуда – в Невиль-корт.

Младшая горничная мисс Оман, открывшая мне дверь, сказала, что мистера Беллингэма нет дома, но что мисс Беллингэм у себя.

Я поднялся по лестнице; на верхней площадке меня поджидала мисс Беллингэм. Ее правая рука была забинтована и похожа была на белую перчатку для бокса.

– Я рада, что вы пришли. Филлис, т. е. мисс Оман, была так добра, что перевязала мне руку, но я хотела бы, чтобы

вы посмотрели, все ли там благополучно.

Мы перешли в гостиную. Я принялся раскладывать на столе все свои медицинские принадлежности, расспрашивая ее в то же время о происшедшем с нею случае.

– Так досадно, что это случилось как раз теперь, – сказала она.

– Почему именно теперь? – спросил я.

– Потому, что у меня сейчас очень важная работа. Одна очень ученая дама пишет книгу по истории и теперь поручила мне собрать всю литературу о тель-эль-амарнских письменах – клинописных таблицах, восходящих, как вы знаете, к эпохе Аменхотепа Четвертого.

– Ну, я надеюсь, что ваша рука скоро пройдет, – успокаивающе сказал я.

– Да, но это меня совсем не устраивает. Работа должна быть срочно сделана. Не позже как через неделю я должна сдать законченные выписки. Тут ничего нельзя поделывать. Я ужасно огорчена.

Я развязал многочисленные повязки на ее руке и открыл рану. На ладони был глубокий порез, едва не задевший артерию. Было очевидно, что она не сможет владеть рукой по крайней мере неделю.

– Вы сможете залечить ее так, чтобы я могла писать? – спросила она.

Я покачал головой:

– Нет, мисс Беллингэм, я должен буду положить ее в лу-

бок. Нельзя рисковать с такими глубокими ранами, как эта.

– В таком случае я буду вынуждена бросить свою работу. Я не представляю, каким образом моя клиентка закончит ее вовремя. Видите ли, я недурно знаю историю Древнего Египта, и мне поэтому должны хорошо заплатить за мой труд. Это была бы такая интересная работа! Но тут ничего не поделаешь.

Между тем я продолжал методически бинтовать ее руку, а сам размышлял. Было ясно, что мисс Беллингэм глубоко огорчена. Потеря работы означала для нее потерю денег, и достаточно было только взглянуть на ее порывевшее черное платье, чтобы убедиться в том, как она нуждалась. Может быть даже, ей предстояли какие-нибудь экстренные расходы. Впечатление было именно таково.

Тут мне в голову пришла блестящая мысль.

– По-моему, вашей беде можно помочь, – сказал я.

Она вопросительно взглянула на меня, а я продолжал:

– Я хочу предложить вам одну вещь и попрошу вас обдумать ее хорошенько.

– Это звучит очень внушительно, – сказала она. – В чем же дело?

– А вот в чем. Когда я был студентом, я научился одному полезному искусству, а именно – стенографии. Конечно, я не пишу с молниеносной быстротой репортера, но я довольно быстро могу писать под диктовку.

– Да. Ну, что же?

– Так вот, у меня бывает несколько свободных часов каждый день, обычно все послеполуденное время до шести часов или до половины седьмого. Если бы вы ходили в музей по утрам, выбирали книги, отыскивали все нужные места и делали бы отметки – это вы могли бы сделать и без помощи вашей правой руки, – то я мог бы приходить после двенадцати, вы читали бы мне выбранные отрывки, а я стенографически записывал бы их. В каких-нибудь два часа мы успели бы сделать столько же, сколько сделаете вы, занимаясь целый день и записывая все обычным путем.

– Как это мило с вашей стороны, доктор Барклей, – воскликнула она. – Чрезвычайно мило! Конечно, я не могу отнимать у вас свободное время, но я очень ценю вашу доброту.

Я был совершенно уничтожен ее категорическим отказом, но все-таки продолжал слабо настаивать.

– Мне хотелось бы, чтобы вы согласились. Я знаю, – сделать даме такое предложение, не будучи с ней даже хорошо знакомым, – это может показаться слишком смелым. Но если бы на вашем месте был мужчина, то я все равно поступил бы так же, и мое предложение было бы принято, как вполне естественное.

– Сомневаюсь. Во всяком случае, я не мужчина. Иногда мне хотелось бы быть мужчиной.

– Я уверен, что вы гораздо лучше так, как вы есть, – воскликнул я с такой серьезностью, что мы оба рассмеялись.

В эту минуту в комнату вошел мистер Беллингэм, держа в руках кипу больших, совершенно новых книг, перетянутых ремешком.

– Вот-те на! – воскликнул он весело. – Недурненькое времяпрепровождение! И доктор и пациентка хохочут, как школьники. Что вас так насмешило?

Он бросил связку книг на стол и с улыбкой выслушал повествование о вырвавшихся у меня словах.

– Доктор совершенно прав, – сказал он, – оставайся, детка, такой, какая ты есть. Одному Богу известно, какой бы из тебя вышел мужчина!

Видя, что он в таком хорошем настроении, я рискнул рассказать ему о своем предложении, чтобы заручиться его поддержкой. Он внимательно и одобрительно выслушал меня, а когда я закончил, обратился к своей дочери.

– Какие же у тебя возражения? – спросил он.

– Это доставит такую уйму работы доктору Барклею, – ответила она.

– Это доставит ему уйму удовольствия, – возразил я. – Я говорю совершенно искренно.

– Тогда почему же нет? – сказал мистер Беллингэм. – Или ты боишься чувствовать себя обязанной доктору Барклею и потому упрямишься?

– Ах, совсем не потому! – поспешно воскликнула она.

– Тогда лови его на слове. Он искренно предлагает тебе свою помощь. Это доброе дело, и я уверен, что, кроме удо-

вольствия, оно ничего ему не доставит. Все в порядке, доктор. Ты согласна, не так ли?

— Если вы так говорите, то, конечно, и я спорить не буду, и принимаю предложение доктора с благодарностью.

Эти слова сопровождались улыбкой, которая сама по себе была для меня чудесной наградой.

Условившись, где и когда встретиться, я в каком-то восторженном состоянии поспешил в свою амбулаторию, чтобы закончить свою утреннюю работу и распорядиться насчет завтрака.

Часа через два я зашел к ней. Я застал ее в саду. Она ожидала меня со своей потертой сумочкой в руках. Я взял ее сумочку, и мы отправились в путь, сопровождаемые ревнивым взглядом мисс Оман, которая проводила нас до калитки.

Привратник, сидевший в маленькой стеклянной будочке при входе в библиотеку, внимательно осмотрел нас и пропустил в вестибюль, откуда мы прошли в огромный круглый читальный зал.

— Что мы будем сегодня делать? — спросил я, когда мы уселись на свободные места. — Вам надо просмотреть каталоги?

— Нет, все карточки у меня в сумочке. Книги уже ждут нас.

Я положил свою шляпу на полку, опустил в нее перчатки моей спутницы, и затем мы направились к стойке за необходимыми на сегодняшний день книгами. Это был счастливейший день в моей жизни. Я провел чудесных, ничем не

омраченных два с половиной часа за блестящим, обтянутым кожей столом, быстро водя пером по страницам записной книжки. Это занятие ввело меня в новый мир – мир, в котором любовь и наука, нежная близость и седая старина перемешивались самым причудливым, самым невероятным и самым восхитительным образом.

До сих пор я ничего не знал об этой темной эпохе. Аменхотеп IV, этот замечательный еретик, был мне известен только по имени, хеттов я считал каким-то мифическим народом, неизвестно где обитавшим, а клинописные таблички представлялись мне чем-то вроде ископаемых сухарей, служивших пищей какому-нибудь доисторическому страусу.

Теперь все изменилось. Мы вплотную пододвинули наши скрипевшие стулья, и по мере того, как она шепотом (разговаривать вслух в читальном зале строго воспрещалось) передавала мне на ухо историю той беспокойной эпохи, разрозненные отрывки постепенно сливались в одну стройную захватывающую повесть.

За два с половиной часа мы извлекли все содержимое шести объемистых томов.

– На деле вы оказались еще лучше, чем на словах, – сказала она. – Мне бы понадобилось два дня действительно усидчивой работы, чтобы сделать все эти выписки, которые успели сделать вы с тех пор, как мы начали работать. Я не знаю, как вас благодарить.

– Не стоит. Я занимался с величайшим удовольствием, и

самая работа была для меня полезной практикой. Что же мы возьмем дальше? Нам ведь понадобятся какие-нибудь книги на завтра, не правда ли?

– Да, я составила список. Если вы пройдете со мной к каталогу, я отыщу номера и попрошу вас выписать карточки.

Выбор новой серии авторитетных трудов занял у нас еще с четверть часа, а затем, вернув те тома, из которых мы выжали все нам нужное, мы направились к выходу.

– Куда же мы пойдем? – спросила она, когда мы вышли из ворот, около которых стоял внушительный полисмен.

– Мы пойдем, – сказал я, – на Мьюзеем-стрит, там есть молочная, в которой можно получить чашку великолепного чая.

С минуту она была в нерешительности, потом послушно пошла со мной, и вскоре мы сидели рядом за маленьким мраморным столиком, перебирая все, что мы прочли за сегодняшний день, и обсуждая за чашкой чая различные интересные вопросы.

– Давно вы занимаетесь такой работой? – спросил я, беря из ее рук вторую чашку чая.

– Как профессией, – ответила она, – всего два года, с тех пор, как наши денежные дела резко ухудшились. Но и много раньше я нередко ходила в музей с дядей Джоном, тем самым, который исчез так таинственно, и помогала ему разыскивать разные справки. Мы были с ним большими друзьями.

– Он, вероятно, был очень ученый человек? – заметил я.

– В известном отношении да. Для любителя-коллекционера он был очень образованный человек. Он знал египетские отделы всех музеев в мире и изучал их во всех подробностях. Но, главным образом, он интересовался вещами, а не событиями. Конечно, он знал очень много, чрезвычайно много по истории Египта, но все же прежде всего он был коллекционером.

– Что же станет с его коллекцией, если он действительно умер?

– Согласно завещанию, большая часть ее перейдет в Британский музей, остальное же он завещал своему поверенному, мистеру Джеллико.

– Мистеру Джеллико? Почему? Что станет делать мистер Джеллико с египетскими древностями?

– О, он тоже египтолог, и очень рьяный. У него прекрасная коллекция скарабеев и разных мелких вещей, которые удобно хранить в частном доме. По-моему, это увлечение всем египетским и сблизило его с моим дядей. Хотя, кажется, он, кроме того, и прекрасный юрист, и, во всяком случае, он очень осмотрительный и осторожный человек.

– Разве? Я бы этого не сказал, судя по завещанию вашего дяди.

– В данном случае мистер Джеллико не виноват. Он уверял нас, что упраскивал дядю разрешить ему заново написать завещание, составив более разумный текст. Но, по его словам, дядя Джон ни за что не соглашался. Он действительно

был очень упрям. Мистер Желлико слагает с себя всякую ответственность в этом деле. Он умывает руки и говорит, что это завещание составлено сумасшедшим. И это действительно так. Я просматривала его вчера или третьего дня и совершенно не понимаю, как мог здравомыслящий человек написать такой вздор.

– Значит, у вас есть копия? – живо спросил я, вспомнив напутственные слова Торндайка.

– Да. Вы хотели бы его видеть? Я знаю, отец мой говорил вам о нем. Его стоит прочесть, как любопытный образчик бессмыслицы.

– Мне очень хотелось бы показать его моему другу, доктору Торндайку, – сказал я. – Он говорил, что ему было бы очень интересно прочесть его и познакомиться со всеми его пунктами. Хорошо было бы дать ему завещание и узнать, что он скажет!

– Я бы ничего не имела против, – ответила она, – но вы знаете моего отца, знаете, вероятно, его ужас перед тем, что он называет «выклянчиванием даровых советов».

– Ему не следует быть таким щепетильным. Доктор Торндайк хочет видеть завещание, потому что это дело его интересует. Он ведь энтузиаст и просит об этом, как о личном одолжении.

– Это очень мило и деликатно с его стороны, и я объясню все моему отцу. Если он согласится показать копию доктору Торндайку, то я пришлю или принесу ее вам сегодня же ве-

чером. Вы кончили?

Я с сожалением сказал, что кончил, и, оплатив скромный счет, мы вышли.

– Что за человек был ваш дядя? – сразу же спросил я, как только мы очутились на тихой улице. И тут же поспешно добавил: – Я надеюсь, что вы не примете мой вопрос за назойливое любопытство, но в моем представлении ваш дядя является чем-то вроде мистической абстракции, неизвестной величиной какой-то юридической проблемы.

– Мой дядя Джон был очень странным человеком, – задумчиво ответила она. – Очень упрямым, очень своенравным – тем, что люди называют «властным». Безусловно, у него были большие причуды и странности.

– Именно такое впечатление и получается от его завещания, – сказал я.

– Да, и не только от завещания. Возьмите, например, эту нелепую пенсию, которую он назначил моему отцу. Это было не только смешно, но и несправедливо. Они должны были разделить все состояние поровну, как хотел мой дед. И в то же время он вовсе не был скупым, только он всегда хотел действовать непременно по-своему, и потому часто поступал и несправедливо, и странно.

Мне вспоминается, – продолжала она после небольшой паузы, – один очень любопытный пример его странности и упрямства. Это – пустяк, но очень для него характерный. В его коллекции было одно очень красивое кольцо эпохи во-

семнадцатой династии. Говорили, что оно принадлежало царице Ти, матери нашего приятеля Аменхотепа Четвертого. Я сама этого не думаю, так как на кольце было изображение Ока Озириса, а Ти, как вам известно, была поклонницей Атона. Это было прелестное кольцо, и дядя Джон, питавший какую-то странную привязанность к мистическому оку Озириса, заказал одному очень умелому ювелиру две точные копии с него – одну для себя, а другую для меня. Естественно, что ювелир пожелал снять мерку с наших пальцев, но дядя Джон и слышать не хотел об этом. Кольца должны были быть точными копиями, а, стало быть, непременно таких же размеров, как и оригинал. Вы, конечно, представляете себе, что получилось. Мое кольцо оказалось слишком велико, и я не могла его носить, а кольцо дяди Джона было так узко, что хотя ему и удалось его надеть, но уже нельзя было его снять. Он мог его носить только благодаря тому, что левая его рука была значительно меньше правой.

– Значит, вы никогда не носили своего кольца?

– Никогда. Я хотела его переделать, но дядя энергично восстал. Поэтому я его убрала, и до сих пор оно лежит у меня в футляре.

– Необыкновенно упрямый старик! – заметил я.

– Да, и очень упорный. Он также доставил много огорчений моему отцу теми бесполезными перестройками в нашем доме, когда он водворил там свой музей. У нас особое чувство к этому дому. Наши предки жили в нем с тех пор, как

он был выстроен, то есть в царствование королевы Анны, когда разбита была эта площадь ее имени. Это – милый старый дом. Хотите его посмотреть? Он тут, почти рядом.

Я с радостью согласился. Даже если бы это был угольный сарай или рыбная лавчонка, я все равно пошел бы туда с удовольствием для того лишь, чтобы продлить нашу прогулку. Но этот дом меня действительно интересовал, так как он имел отношение к таинственно исчезнувшему Джону Беллингэму.

Мы немедленно спустились по теневой западной стороне. На полпути моя спутница остановилась.

– Вот этот дом, – сказала она. – Он выглядит теперь мрачным и заброшенным. Но это был, наверное, самый восхитительный дом в те дни, когда мои предки из своих окон могли любоваться полями и лугами Хемпстэдских высот и Хайгэйта.

Она стояла на краю тротуара и внимательно смотрела на старый дом.

Мрачный, отталкивающий вид этого дома приковал и мое внимание. Все окна, начиная с подвального этажа и кончая чердаком, были закрыты ставнями. Не было заметно никаких признаков жизни. Массивная дверь в глубине великолепного резного портала была покрыта слоем сажи и казалась такой же вышедшей из употребления, как и проржавевшие тушилки, которыми ливрейные лакеи гасили факелы, когда в дни доброй королевы Анны какая-нибудь леди Бел-

лингэм подымалась по ступенькам в своих раззолоченных носилках.

Мы молча направились домой. Моя спутница была погружена в глубокую задумчивость. Ее настроение заразило и меня. Как будто душа исчезнувшего человека вышла из этого большого безмолвного дома и присоединилась к нам.

Когда мы в конце концов подошли к воротам Невиль-Корта, мисс Беллингэм остановилась и протянула мне руку.

– Большое, большое спасибо за вашу огромную помощь. Разрешите мне взять свою сумочку!

– Пожалуйста, если она вам нужна. Но только я выну записные книжки.

– Зачем? – спросила она.

– Как зачем? Ведь должен же я расшифровать свои записки.

Ее лицо приняло выражение крайнего смущения. Она была так поражена, что забыла даже высвободить свою руку.

– Боже мой! – воскликнула она. – Как это глупо с моей стороны. Но это совершенно невозможно, доктор Барклей, это отнимет у вас массу времени!

– Это вполне возможно, но ничего не поделаешь. В противном случае мои записки окажутся совершенно бесполезными. Вы возьмете сумочку?

– Конечно, нет. Но мне страшно неловко. Право, бросьте эту затею!

– Это значит конец нашей совместной работы, – трагиче-

ским тоном воскликнул я, пожав на прощание ее руку. Тут только она спохватилась и быстро выдернула ее.

– Неужели же вы хотите, чтобы пропал целый день работы? Я этого не хочу. А потому до свидания, до завтра! Я постараюсь прийти пораньше в читальный зал. А вы потрудитесь взять карточки. Да, и не забудьте, пожалуйста, о копии завещания для доктора Торндайка, хорошо?

– Хорошо. Если мой отец согласится, я пришлю вам ее еще сегодня вечером.

Она взяла у меня карточки и, еще раз поблагодарив меня, вошла во двор.

Завещание Джона Беллингэма

Работа, за которую я взялся с таким легким сердцем, оказалась действительно ужасающей, как сказала мисс Беллингэм. Для расшифровки записанного в течение двух с половиной часов при средней скорости около ста слов в минуту требуется немало времени. А так как выписки надо было сдать аккуратно к завтрашнему дню, то терять времени было нельзя, поэтому я через пять минут по возвращении в амбулаторию уже сидел за письменным столом, разложив перед собой записки, и энергично расшифровывал стенографические значки и разобранное записывал четким почерком. Занятие это имело для меня немалую прелесть прежде всего потому, что все фразы, которые я писал, были полны нежных воспоминаний, напоминали мне о том, как она шепотом диктовала их мне. Да и сам предмет был для меня полон интереса. Мне открывались новые перспективы, я переступал порог нового мира (который был ее миром). И потому я далеко не был доволен, когда приход случайных пациентов отрывал меня от работы.

Вечер подходил к концу, а из Невиль-Коурта еще ничего не было слышно, и я уже начал опасаться, что щепетильность мистера Беллингэма оказалась непреодолимой.

Но ровно в половине восьмого дверь амбулатории внезапно распахнулась, и в комнату вошла мисс Оман, держа в ру-

ках синий конверт, с таким таинственным видом, как будто это был ультиматум.

– Я принесла это вам от мистера Беллингэма, – сказала она. – Тут вложена записка.

– Вы мне разрешите прочесть ее, мисс Оман? – спросил я.

– Господи помилуй! – воскликнула она. – Да что же еще с ней делать? Ведь я для того ее и принесла.

Я согласился и, поблагодарив ее за любезное разрешение, быстро пробежал записку, – всего несколько слов, разрешавших мне показать копию завещания доктору Торндайку. Когда я поднял глаза, я заметил, что мисс Оман пристально и неодобрительно смотрит на меня.

– Вы, кажется, стараетесь быть приятным в известном доме? – заметила она.

– Я всюду стараюсь быть приятным. Таков уж у меня характер.

– Гм, – фыркнула она.

– Разве вы не считаете меня сколько-нибудь приятным? – спросил я.

– Сахар Медович, – сказала мисс Оман.

Затем, с кислой улыбкой посмотрев на разложенные записки, заметила:

– У вас теперь появилась новая работа. Это вносит большие изменения в вашу жизнь.

– Восхитительные изменения, мисс Оман. Сатана считает... ведь вы, без сомнения, знакомы с философскими тру-

дами доктора Уотса?

– Если вы намекаете на «праздные руки», – ответила она, – то я вам дам один совет. Не позволяйте этой руке бездействовать долее, чем это действительно необходимо. У меня есть кое-какие подозрения по поводу этого лубка... ну, да вы понимаете, что именно я хочу сказать?..

И прежде чем я имел возможность что-либо ей ответить, она воспользовалась приходом двух пациентов, чтобы прошмыгнуть из амбулатории с такой же поспешностью, с какой вошла.

Вечерний прием закончился по обыкновению около половины девятого. Я подумал о завещании. Следовало, по возможности не откладывая, препроводить его Торндайку, а так как этого нельзя было поручить постороннему, то отнести пакет должен был я сам. И, засунув его в карман, я сейчас же направился к Темплю.

Часы на здании казначейства тихо пробили три четверти, когда я постучался своей палкой в «запретную» дубовую дверь моих друзей. Ответа не последовало. Подходя к дому, я не видел света в окнах, и стал подумывать о том, чтобы попытаться пройти через лабораторию на втором этаже, как вдруг услышал знакомые шаги и голоса на каменной лестнице.

– Bravo, Барклей, – воскликнул Торндайк, – вы ждете здесь, словно пери у райских врат. Поульстон ведь сидит наверху над одним из своих изобретений. Если в другой раз

вы найдете гнездышко пустым, подымайтесь прямо наверх и стучите в двери лаборатории. По вечерам он всегда там. Какие же новости вы принесли нам? Что я вижу? Не синий ли конверт торчит у вас из кармана?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.